А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1976 год.

1976 год.

1 января 76 г.

Три дня прокрутился на работе. Б.Н. Расспрашивал о Завидове. Обеспокоен. отношением Брежнева к своим коллегам. Мы с Карэном рассказали ему, что Леонид Ильич особо отличает и приподнимает сейчас Суслова, к которому, как я помню по прежним визитам в Завидово, он относился иронически, насмешливо (за скучные тексты, за постную ортодоксию, за то, что он любит кефир и не прикасается к водке, за полное отсутствие чувства юмора и т.д.). Теперь же он называет его в основном «Мишей», беспокоился, как он там на Кубе (Суслов возглавил делегацию вместо предполагавшегося сначала самого Брежнева, на I съезд Кубинской компартии). Не обидел ли его там Кастро за то, что сам Брежнев не смог поехать.

Несколько раз Брежнев обсуждал с нами, не стоит ли поручить Суслову открыть съезд. Он, Брежнев, сам очень бы хотел это сделать – Генеральный Секретарь. Но тогда придется в течение получаса произносить приветствия иностранным гостям, называть труднопроизносимые фамилии… И – «устанешь еще до начала доклада». (Брежнев очень тревожился по поводу того, что болезнь челюсти не позволит ему внятно говорить несколько часов подряд. Он, действительно, утомляется после 25-30 минут говорения и начинается косноязычие).

На одном из таких разговоров Шишлин предложил: пусть Леонид Ильич войдет в зал один. Откроет съезд, проведет выборы президиума и даст слово Суслову для перечисления братских партий. На том Брежнев и порешил, успокоившись и заметив: «Так-то лучше. А то прошлый съезд Подгорный открывал – то же мне партийный деятель!» В другой раз он приложил Подгорного в связи с вопросом о «ликвидации компартий союзных республик и превращении их в республиканские партийные организации». Я, говорит, давно это предлагал. Но против выступил Шелест и его поддержал главным образом Подгорный. Я тогда еще почувствовал что-то не то в его настроении…

Примечателен и такой эпизод. Обсуждали в Завидово международный раздел к докладу Брежнева на XXV съезде. Он вдруг завелся. Вспомнил Хрущева, который, по его словам, оставил такое положение, что начать двигаться к миру стало, наверно, труднее, чем за десять лет до 1964 года. В Карибском деле пошел на глупую авантюру, а потом сам в штаны наложил. «Я не забуду, - говорил Брежнев, - в какой панике Никита то пошлет телеграмму Кеннеди, то «с дороги» требует задержать ее, отозвать. А все почему? Потому что хотел об...ать американцев. Помню на Президиуме ЦК кричал: «Мы в муху попадем ракетой в Вашингтоне!» И этот дурак Фрол Козлов (при Хрущеве фактически второй секретарь ЦК) ему вторил: «Мы держим пистолет у виска американцев!» А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом вытягивать, сколько трудов положить, чтоб поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Можете мне поверить. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны».

Сидевший напротив Александров заметил на это: «Ну что вы, Леонид Ильич. 250 миллионов в стране - среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по этому поводу?!»

Брежнев ответил: «Ты не крути, Андрюша. Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не там где-то среди 250 миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!»

Меня это поразило. Он сказал это в запальчивости, с нажимом, в нашем с Брутенцом присутствии (а с Карэном он был «знаком» всего два дня).

О Косыгине он не может говорить без явного раздражения. Рассказал к слову один случай: Косыгин ездил в Англию. Звонит оттуда Брежневу по простому телефону: «Ты знаешь, Леня, меня принимает сама королева, в старинном замке, который был заколочен

много десятилетий, а теперь ради меня его впервые с тех пор открыли … И пошел, и пошел в этом духе. Я ему говорю: «Алексей, приедешь – расскажешь». И

-+\положил трубку. Вот политик!» И с презрением покачал головой.

О Мазурове отозвался как о беспомощном и безруком руководителе. Письмо, говорит, получил от тюменских нефтяников. Жалуются, что нет меховых шапок и варежек, не могут работать на 20^0 морозе. Вспомнил, что еще когда был секретарем в Молдавии, создал там меховую фабрику. Потом она стала известна на весь Союз. Позвонил в Кишинев: говорят – склады забиты мехами, не знаем, куда девать. Звоню Мазурову, спрашиваю, знает ли он о том, что делается в Тюмени и в Молдавии на эту тему. «Разберусь», говорит. Вот вам и весь общесоюзный деятель!

Теперь о самом Пономареве. Позвонил как-то мне Б.Н. туда. Поговорили. Спрашивает, как «у вас там» оценили доклад Кастро на съезде. Я сказал, что очень высоко и что Брежнев собирается сообщить об этом Кастро через Суслова. На другой день (Б.Н. не мог не подсуетиться) в Завидово приходит бумага от Пономарева: проект письма Суслову, где в частности, предлагается, чтоб он «через кубинских товарищей» поручил кубинским посольствам в Латинской Америке заняться распространением доклада Фиделя в соответствующих странах. (Я то понял это телодвижение Б.Н.'а: у компартий возможностей почти никаких, а своих советских посольств в Латинской Америке у нас раз-два, обчелся!). Но Брежневу этот довод показался смехотворным. Он вспылил: «Он кто, этот Пономарев, академик, кажется? (Оглядел нас с деланным удивлением). Что за глупость! Такой простой вещи сочинить не могут. Что ж я каждую такую бумажку должен редактировать. Наверно, референт ему сочинил, а он подмахнул. И это работа… академик! Х.. знает что! Позови стенографистку… (продиктовал сам письмо Суслову). Вот и все дело. И не надо гонять за 150 километров фельда с такой бумажкой, прошу передать это господину академику!»

Сказано это было с раздражением и презрением. В явном расчете, что до Б.Н.'а дойдет (двое из его отдела – я и Карэн – тут же сидят). Видно было, что прокол с бумажкой – лишь предлог, чтобы громогласно выразить свое давно сложившееся и глубоко неприязненное отношение к Пономареву.

За что он его не любит? Может быть, не может забыть, что Б.Н. «колебнулся» в 1964 году, когда решали смещать Никиту? А может быть (и скорее всего), за книжность, догматизм, занудство. А может быть, и это самое главное – за то, что в изображении буржуазной прессы Пономарев представитель и даже «лидер революционно-классового» направления в Кремле, в отличие от брежневского «пацифистского»?!

История с Капитоновым. После того, как «прошли» международный раздел (и мы уже рассчитывали отчалить оттуда), Брежнев вдруг предложил вызвать вторую бригаду – экономическую. «Вместе, мол, посмотрите, дело-то общее, партийное». 21-го, в понедельник прибыли: Бовин, Цуканов, Иноземцев, Арбатов и Седых (сельхозник, зав. сектором). Прочитали, обсудили сначала без Брежнева. Отнеслись снисходительно, так как задача была трудная: пятилетка из рук вон плохая, а надо говорить что-то вдохновляющее и закладывать оптимизм на будущее. Брежнев после прочтения раздела выслушал Александрова, изложившего наше общее мнение, встал и ушел – ко всеобщему немому смущению. Через полчаса вернулся и заявил: «Категорически не согласен с вашим мнением (об экономическом разделе)». Однако, после этой угрожающей декларации фактически мало что предложил сверх нашего: больше строгости, меньше хвастовства и громких слов, больше критичности и конкретности. Дай Бог, если на этом уровне сохранится текст! Я не верю в это.

Однако, я лишь подобрался к теме Капитонова.

На другой день за завтраком Брежнев заявил, что он хотел бы представить себе весь доклад в целом и велел Александрову заполучить от Капитонова текст третьего раздела (о партии и идеологии), не вызывая никого из людей. Через несколько часов текст был в Завидове и нам было поручено его прочесть… Это нечто невообразимое: будто сели и переписали из газеты «Правда» передовицу. А работали в Волынском-I с июня человек 15.

Сказали о своем впечатлении Брежневу. «Давайте, говорит, почитаем вместе». Сели читать, дошли до половины. Вдруг Л.И. захлопнул рукопись, встал и заявил, что больше он читать эту галиматью не намерен.

- Вызвать сюда немедленно Капитонова!

Александров: «Но ведь он сам все равно ничего не напишет!»

Брежнев: «Знаю, что он сам ничего написать не может. Но он секретарь ЦК. Он отвечает от Секретариата за этот раздел. Под его руководством, по его указаниям сочиняли эту болтовню. Кто должен отвечать?! И зачем мне такой секретарь, который даже не понимает, что нужно для доклада съезду?! Немедленно вызвать и дать ему здесь взбучку, чтоб проняло».

Александров все-таки настоял на том, чтобы пригласили еще Петровичева (первый зам. Капитонова, о котором Брежнев тоже очень нелестно отозвался) и Смирнова (первый зам. отдела пропаганды). А на утро за завтраком «подкинули» сообща еще фамилии Загладина и Ковалева. По поводу Вадима Брежнев произнес несколько «добрых слов», пожурив отечески, что откололся надолго от «нашей группы». «Способный человек и его надо вызвать немедленно же», - что и было сделано.

Международника Загладина и зам. МИДа Ковалева определили на партийно-идеологический раздел и они в день приезда, особенно Вадим, все заново передиктовали.

Капитонову, который за трапезным столом сел напротив Генсека, тот в первый же вечер в довольно унизительных выражениях в нашем присутствии высказал все, что он думает о его разделе и тут же велел нам разделать его, разговаривать не как с Секретарем ЦК («тогда толку не будет!»), а как с «автором».

Но Александров попросил всех нас не приходить на это раздевание и передал Капитонову и его новой бригаде что полагается лишь в присутствии других помощников (Русакова и Блатова… Цуканов не захотел пойти. У него сложности с Генсеком и он остерегается восстановить против себя еще и Оргсекретаря ЦК).

<u>2 января 76 г.</u>

С часу на час жду команды на выезд в Завидово. Никто ничего не знает, у Брежнева спросить не решаются, предполагают, что возможен перенос на завтра.

О Ягодкине, секретаре МГК по идеологии. Черносотенец и сталинист, организатор разгрома в Институте экономики и философии и т.п. предприятий.

Разговор о нем зашел случайно, «в ходе работы». Помнится, в связи с сетованием Брежнева на своих коллег, которые его не хотят понимать, и не согласны. Александров, как бы невзначай, кинул: «А что вы хотите, если во главе московской идеологии сидит Ягодкин»…

Брежнев отреагировал так: «Мне о нем говорили. Но Гришин, который его не очень раньше жаловал, теперь стал защищать. Это, говорит, когда он, Ягодкин, секретарем парткома МГУ был, вел разговоры, что ему, видите ли не нравится Брежнев. Нужна мне его любовь! А в МГК он вроде хороший стал. Не очень я верю, но и черт с ним».

Все наперебой загалдели: как же так, Леонид Ильич. Ведь это же чистый вред партии, когда такой человек ее представляет, да еще перед интеллигенцией. Все от него стонут. А тут еще в «Новом мире» опубликовал двуспальную передовую – ведь, если ее внимательно прочитать, ясно, что она – против линии XXIV съезда в области культуры. И Ленина там нагло переврал. Немыслимо такого человека и после XXV съезда оставлять. И т.п.

Брежнев слушал, слушал, оглядываясь то на одного, то на другого, и говорит: « Ладно, вернусь в Москву, поговорю с Гришиным».

Через несколько дней приехал в Завидово Загладин, конечно, узнал об этом разговоре и будто ничего о нем не зная, сочинил записочку: о разговоре в Риме с членом руководства ИКП Галуцци (очень правым). Этот Галуцци (я его помню) будто бы сказал Загладину: вот вы

утверждаете, что в советском обществе нет оппозиции, но ведь у вас в самой партии есть она. Посмотрите на статью Ягодкина в «Новом мире», разве она совпадает с линией XXIV съезда?

Сидим мы за завтраком (а Загладин заранее показал нам эту записку, в том числе Петровичеву и Смирнову – лидеру всей пропаганды). Александров наклоняется к Вадиму и говорит: «Вадим, сейчас самый момент. Положите перед Леонидом Ильичем записку». Вадим встал, подошел, сказал слова и попросил прочитать. Брежнев долго, внимательно читал. Положил в карман и, обернувшись к Загладину, сказал: мы тут уже разговаривали об этом человеке. Да, да. Приеду в Москву, обязательно поговорю с Гришиным.

И, наконец, уже в Москве, 29-го декабря позвал меня Б.Н. Захожу. Он говорит по телефону.

- Нет, нет, Виктор Васильевич, дело не в недоверии, но, знаете, нехорошо, если был такой разговор и, несмотря на это, он (я понял – Ягодкин) открывает в Колонном зале важное политическое мероприятие. Вы, конечно, извините, что мы (!) доставляем вам лишние беспокойства в связи с этим, но лучше, если откроет Греков, второй секретарь и т.д.

Я понял: Пельше и Пономарев должны были на другой день выступать на собрании в Колонном зале Дома Союзов по случаю 100-летия Вельгельма Пика. А открывать его было поручено Ягодкину. Так вот, Б.Н. «отменял» это. И действительно, открывал это собрание Греков. (Б.Н. мне походя сообщил, что Суслов еще месяц назад поручал Смирнову писать записку в ЦК о Ягодкине, но тот не решился. Был, между прочим, страшно рад, что эту акцию в Завидове провернули международники, т.е. чужими руками осуществил свою заветную мечту – спихнуть Ягодкина).

Так, накануне XXV съезда сделана важная акция по осуществлению записанного тем же Загладиным и Александровым в доклад Брежнева на XXIV съезде по вопросам «культурной политики».

И еще одно в этом духе. В связи с обсуждением капитоновского раздела Брежнев, как я уже писал, вспылил. «Мы Шелеста сняли, Мджаванадзе сняли, а до этого еще – Алиева, Кочиняна сняли[1]. Это, между прочим, и идеологические дела тоже, а не просто за то, что завалили работу. Но в тексте и намека ни на что подобное нет. И вообще никакая работа не показана и как надо работать – тоже ничего нет. А я вот вспоминаю такой случай. Приносит мне Самотейкин (его референт) письмо. От Любимова – режиссера театра на Таганке. Тот пишет, что горком его хочет исключить из партии…, что-то он там поставил, что им (!) не понравилось. Звоню Гришину, говорю: «Отмени решение, если уже принял. Так нельзя с интеллигенцией работать». Тот отменил, вроде встретился с Любимовым. И смотрите: через несколько месяцев он поставил такую пьесу, как она, ну как называется? (Все подсказывают: «А зори здесь тихие»). Ни один человек без слез не уходит из театра. (И сам прослезился, проглотил комок). Вот как надо работать!

Он так говорил, что я подумал – уж не ходил ли сам на Таганку? Или ему засняли ее что ли? Потом перепроверил. Говорят Л.И. в театре не бывал, но Цуканов пьесу смотрел.

А вот еще как делается политика:

Накануне дня рождения Брежнева (19 декабря 1975 года ему исполнялось 69 лет) в Завидово приехал Громыко. Три часа они беседовали с глазу на глаз. Все решили, что Громыко приехал поздравлять - они ведь считались друзьями. Но на утро, за завтраком, Л.И. как бы невзначай бросил: «Вот Громыко отпросился от Японии - он ведь туда по решению Политбюро должен был ехать в начале января. Я согласился: оно, конечно, - неохота ему Новый год портить подготовкой, поездка трудная. Да и смысла особого нет: они хотят островов, мы им их не даем. Так что результатов все равно никаких не будет. Ничего не изменится - поедет он или не поедет».

Александров насупился, побледнел, потом взорвался: «Неправильно это, Леонид Ильич. Мы - серьезное государство? Мы должны держать слово? Или нам плевать? Мы четырежды обещали, японцы уже опубликовали о визите в газетах. Мы с их престижем

[1] Первые секретари ЦК компартий Украины, Грузии, Азербайджана, Армении.

должны считаться? Или мы совсем хотим отдать их китайцам? Громыке, видите ли, Новый год не хочется портить. И решение Политбюро для него - ничто! Приехал отпрашиваться! Неправильно вы поступили, Леонид Ильич!»

Брежнев, явно не ожидавший такой атаки, ответил: «Он попросил - я согласился...»

Алесандров снова возразил: "Вот и неправильно, что согласились. Киссинджер пять раз в этом году в Японии был. Тоже ведь ничего, кажется, не изменилось. Но не изменилось в пользу американцев. А наш Громыко в Бельгию, Италию, во Францию, еще куда-то - пожалуйста. А как действительно сложную работу делать, ему «не хочется Новый год портить». Надо разговаривать с японцами. Пусть, как вы говорите, мы ничего не можем сейчас дать им. Но надо вести переговоры, показывать свою добрую волю. Это - крупнейшая страна и она хочет иметь дело с нами. Этим стоит дорожить, считаться с этим. В этом и смысл дипломатии. Неправильно вы поступили, Леонид Ильич».

В дело вступил Блатов. Что-то проговорил в этом же духе своим методичным нудным тоном, но достаточно настойчиво. Мы заговорили в поддержку «Воробья». С каждой минутой Брежнев мрачнел, но отпихивался репликами, пытался перевести разговор. Потом встал, бросил на стол салфетку: «Хорошенький подарочек подготовили вы мне ко дню рождения!» И ушел из-за стола.

Мы вскоре переместились в зимний сад. Сели работать , но дело не шло. Через час вошел Брежнев. Направился прямо к Александрову: «Ты победил, Андрюша. Сейчас я целый час разговаривал с Громыко. Сказал ему, чтоб он ехал в Японию».

В другой раз, в той же тональности, пошел еще один разговор в таком же духе: Брежнев напомнил, что на переговорах в Вене натовцы выступили с предложением: они убирают из Европы тысячу ракет с ядерными головками, а мы - тысячу танков. Это - для начала, чтоб сдвинуть переговоры с мертвой точки. «С точки зрения безопасности, - продолжал Л.И., - препятствий вроде нет. Ни американцы, ни немцы на нас после такого соглашения не нападут. Тут и бояться нечего. Вопрос в другом: друзья в социалистических странах будут против. Им наши танки нужны по совсем другим причинам. А так бы я и не такое соглашение пошел. Не знаю, слышал ли ты об этом (обратился к Андрею Михайловичу)? Нет? Об этом знает только Суходрев (переводчик). Я это говорил с глазу на глаз Никсону. Я ему предложил: давайте наш Верховный Совет и ваш Конгресс торжественно заявят, что никогда каждая из наших стран ни под каким видом не нападет на другую ни ядерным, ни каким другим способом. Примем такие законы и объявим об этом на весь мир. И добавим, что если кто-либо третий нападет на одного из нас, другой поможет обуздать нападающего. Никсон очень, помню, заинтересовался этим предложением. Но потом его затравили и сбросили. Так это все и кануло.

А теперь вот даже после Хельсинки - и Форд и Киссинджер и всякие сенаторы - требуют вооружать Америку еще больше, требуют, чтоб она была самая сильная. Угрожают нам - то из-за нашего флота, то из-за Анголы, то вообще что-нибудь придумывают. А Гречко - ко мне. Вот, говорит, нарастили здесь, угрожают «повысить» тут. Давай, говорит, еще денег - не 140 млрд., а 156. А я что ему должен отвечать? Я - председатель Военного Совета страны, я отвечаю за ее безопасность. Министр обороны мне заявляет, что если не дам, он снимает с себя всю ответственность. Вот я и даю, и опять, и опять. И летят денежки»...

Таков был первый разговор «о разоружении». Потом уже в расширенном составе (приехали экономисты) за обедом Андрюха опять напомнил об инициативе НАТО. Брежнев резко отреагировал: не будем мы принимать этого предложения. Не раз ведь разговор был о чем-то подобном с американцами. Я им всегда отвечал, что это нам не подходит. А теперь – вроде бы я испугался. Надо подготовить отрицательный ответ, - распорядился он.

Все мрачно молчали в ответ. Никто не вякнул.

Продолжение случилось за день до отъезда, 26 декабря. Вечером после охоты Брежнев зашел в комнатку рядом с зимним садом, мы ее называем телевизионной. Там Бовин обычно сидит сочиняет, поглядывая одновременно на экран. Потом начал подтягиваться

«народ». Разговор шел о чем попало. Брежнев заметил (в который раз) – мол, слишком много всяких бумаг и (в шутку), а вот Андрей все подсовывает новые.

Андрей завелся: А что вы обижаетесь, Леонид Ильич. Можем и не докладывать. Как хотите!

Брежнев: Ну, что ты опять! (вроде как – нервничаешь).

- Да, нервничаю. И не могу иначе. Вот, что, например, делать с предложением НАТО? Очень легко – сказать «нет». Но ведь есть большая политика. Хотим мы продолжать разрядку или только говорить, что хотим. Мы же начали – «что политическую разрядку надо дополнить военной». А теперь что получается? Сами ничего не предлагаем. Они же предлагают совсем невинную вещь. У нас в соцстранах 16.000 танков. Что изменится, если там будет 15.000. Ничего абсолютно! Ничего не изменится и у них, если они выведут 1000 устаревших ракет. Но разрядка выиграет. Потому, что все увидят, что мы готовы разговаривать и что-то делать по вопросам гонки. Если же мы скажем просто «нет», понесем ущерб только мы. Будьте уверены, что их средства пропаганды используют наше «нет» наилучшим образом.

Брежнев встал и ушел. Андрей за ним, жестикулируя и что-то объясняя. Брежнев крикнул, оглянувшись: «Ужинать!» Но, спустившись вниз, он завернул в комнату охраны (там же узел связи) и минут 40 говорил по телефону. Вышел и объявил: «Поручил Гречке готовить предложения по Вене. Пусть подумают, как отреагировать на НАТО'вский ход… И велел ему провести до приезда Киссинджера (19.01.76) какие-нибудь маневры и пригласить туда натовцев».

3 января 76 г.

Закончу про Завидово. (Если потом что-то всплывет в памяти, буду фиксировать). Сейчас вспомнил следующее. Как-то вечером, незадолго перед отъездом, за ужином включили телевизор. Там что-то про предстоящую Олимпиаду. Брежнев говорит: «Какой это дурак предложил устраивать ее в 1980 году в Москве?! Это же глупость! Угрохаем кучу денег, а зачем это нам?… Косыгин все волновался по этому делу. Как-то звонит мне – не возражаю ли я, чтоб его заместитель Новиков был председателем олимпийского комитета у нас? Я сказал – «пусть!» А сам подумал: черт-те чем человек занимается. И в голову ему не приходит, что кроме нескольких антисоветских скандалов мы ничего от этой Олимпиады иметь не будем». И т.д. Все за столом наперебой поддержали, приводя свои аргументы. Впрочем, кажется, Русаков сказал: мы слишком далеко зашли с этим, и сразу отменить – шум будет невероятный. Я добавил: и опять припишут наш отказ тяжелому экономическому положению.

Брежнев отреагировал на реплику так: Конечно, не завтра это (отказаться) надо сделать… Надо выбрать удобный момент, подготовиться пропагандистски, но отменить эту олимпиаду у нас надо обязательно.

19 декабря был день рожденья у Леонида Ильича. Он задолго начал об этом говорить. Чувствовалось, что придает этому значение, как и вообще – оценивает себя очень высоко, и – безусловно. Сомнения с чьей-либо стороны в масштабах его роли, кажется, даже не вызвали бы у него гнева. Они просто показались ему нелепыми и смешными. Заранее сказал нам, что не хочет встречать день рожденья в кругу «своих коллег». Придумал отговорку: «У Устинова, мол, недавно жена умерла, ему не до веселья, а не звать – неловко! Несколько раз повторял этот аргумент. С Викторией Петровной (женой) мы, говорит, давно условились «на этот счет» - тут обид не будет. А праздничный торт она «спечет» нам и пришлет, а мы выпьем за нее тут».

Однако, он слетал-таки на вертолете в Москву, побывал только дома, и ни с кем из «коллег» не встречался. Хотя (судя по звонкам ко мне Пономарева) они явно рвались, чтоб поздравить хоть по телефону.

Черненко собирал поздравительные телеграммы и прислал список авторов Брежневу. Тот говорил нам, что все обкомы поздравили и т.д. Но особенное удовольствие ему доставили «письма трудящихся». Впрочем, это были не только поздравления. Это и письма к XXV съезду. Зачитывал нам выдержки: один предлагает сделать Брежнева генералиссимусом, другой – пожизненным Генсеком, третий дает оценку его заслуг в стихах. Брежнева явно волновали такие вещи. Он с некоторым простодушием одобрительно комментировал восторженные и часто наивные оценки его деятельности.

А в 6 часов вечера Л.И. (опять же на вертолете) вернулся в Завидово. С 7 до 12 – до полуночи сидели за столом , «при свечах».Говорили тосты. В общем, можно сказать, грубого подхалимажа не было. Все говорили дело – о действительных его заслугах и действительно хороших его человеческих качествах. Я тоже говорил…

Некоторые черты характера реализовались в делах, для страны и мирового значения... сочетание не наигранной простоты и государственного масштаба… Получился несколько восторженный тост. Но я не откажусь ни от одного своего слова.

«То, что Вы сделали для людей, для мира – известно всем. К сожалению, к этому, как к воздуху и повседневной пище, начинают привыкать. Но эти вещи непродящи, они остаются в истории, в памяти народов. И … я хотел бы обратить внимание на одну вещь. В Ваших мыслях и в Ваших делах вопрос о мире охватил не только все области политики (внешнюю и внутреннюю), но он стал и вопросом партийной идеологии.

Ленин видел и понимал, что тогда еще нельзя было устранить войну. Но он всегда подходил к миру, как к передышке, а к войне, как к условию для революционного действия.

Потом мы знали период, когда с помощью разговоров о мире хотели лишь обмануть своего противника. Так как пользовались им как тактическим оружием. И это только усугубило опасность войны. Это настолько обострило и запутало ситуацию, что в 1964 году было гораздо труднее отстоять мир, чем 10 лет до этого. Вы сами нам на днях рассказывали, как это выглядело.

К сожалению такое представление о политике мира не изжито и сейчас. Именно поэтому есть сопротивление и непонимание.

Ваша искренность и убежденность в борьбе за мир воплотили в себе живое опровержение разговоров о том, что мир несовместим с революцией. Вы лично доказали, что в наше время быть верным партийной идеологии, марксизму-ленинизму, быть революционером – это значит быть страстным борцом за мир. В этом смысле нашей партии очень повезло. Прежде всего именно Вы обеспечили ей тот авторитет, который заслужил народ не только за Победу над фашизмом».

Обстановка была очень простая. Нас было шестеро международников, не считая генерала, егеря, … и потом он позвал еще двоих охранников, очень симпатичных ребят.

Сам Леонид Ильич говорил несколько раз. Отмечал и преувеличение в тостах. Но, между прочим, сказал, что мечтает написать книгу «Анкета и жизнь», - т.е. что стоит в его жизни за каждой строчкой «краткой биографии» с плакатов, которые вывешивают на улицах перед выборами в Верховный Совет. Эта тема широко обсуждалась в тостах и вообще была, естественно, главным предметом разговора за столом. Под конец его упросили почитать стихи. И он опять (как в 1967 году в «шалаше») читал очень выразительно Апухтина, Есенина, еще кого-то.

Вообще в нем что-то есть от актерского дара. На другое утро, еще немножко хмельной, он почему-то вспомнил парад Победы 1945 года. Встал и рассказал три эпизода: как он, явившись раньше других в банкетный зал, пошел поближе к «отсеку» президиума, где должен был появиться Сталин и опрокинул стул с горкой запасных тарелок (десятка три); как они с Покрышкиным пили в ресторане «Москва» и когда их стали выдворять (после 12 ночи), Покрышкин извлек пистолет и начал стрелять в потолок. (На утро доложили Сталину. Тот отпарировал: «Герою можно!» Как он, возвращаясь с женой с победного банкета в дребадан,

беседовал с Царь Колоколом. Это он особенно картинно изобразил, с жестами, пьяными ужимками, спотыканием и т.п.

Л.И. намекал, что он и Новый год не прочь встретить в Завидово. Только к этому времени «компания» утроилась бы, даже обеденный стол пришлось бы надставлять. Однако, мы по разным поводам начали хныкать. И в субботу, 27 декабря он неожиданно объявил, что к вечеру разъезжаемся до Нового года. Дал всем отгул и запретил являться в ЦК.

Но у нас с Карэном (скорее именно у меня) еще свой начальник.

Из интересного за три дня в ЦК перед Новым годом было, пожалуй, следующее.

Андропов представил в Политбюро записку о положении в СССР с «диссидентами». Мол, советские люди слушают радио и удивляются, почему ФКП вдруг стала на защиту Плюща и Сахарова, и вообще лает на КПСС по поводу «наличия в СССР политических заключенных». Что в связи с этим делать, в записке ответа нет. И получается, что внутренний замысел, как мне показалось, состоял в том, чтобы оправдаться перед ЦК за то, что, несмотря на протесты со стороны партнеров по разрядке, приходится «продолжать сажать». В документе были любопытные данные: за последние 10 лет за антисоветскую деятельность арестовано около 1500 человек. Когда в 1954 году Хрущев объявил на весь мир, что в СССР нет политзаключенных, их было не меньше 1400. В 1976 году насчитывалось около 850 политзаключенных, из них 261 - за антисоветскую пропаганду. Поразила меня цифра: в стране 68000 «профилактированных», то есть тех, кого вызывали в КГБ и предупреждали «о недопустимости» их деятельности. Предупреждено вскрытых через «проникновение» свыше 1800 антисоветских групп и организаций. Вообще же, по мнению Андропова, в Советском Союзе - сотни тысяч людей, которые либо действуют, либо готовы (при подходящих обстоятельствах) действовать против советской власти.

<u>6 января 76 г.</u>

На Новый год моя секретарша ездила в Кострому на свадьбу дочери своего мужа. Спрашиваю:

- Как там?
- Плохо.
- Что так?
- В магазинах ничего нет.
- Как нет?
- Так вот. Ржавая селедка. Консервы – «борщ, «щи», знаете? У нас в Москве они годами на полках валяются. Там тоже их никто не берет. Никаких колбас, вообще ничего мясного. Когда мясо появляется, - давка. Сыр – только костромской, но говорят, не тот, что в Москве. У мужа там много родных и знакомых. За неделю мы обошли несколько домов и везде угощали солеными огурцами, квашенной капустой и грибами, т.е. тем, что летом запасли на огородах и в лесу. Как они там живут!

Меня этот рассказ поразил. Ведь речь идет об областном центре с 600.000 населением, в 400 км. от Москвы! О каком энтузиазме может идти речь, о каких идеях?

О Загладине. Он то и дело мелькает на страницах буржуазной печати. Вчера в «Монде» прочел: передовая и большая корреспонденция – о положении в комдвижении Европы в связи с декабрьской Рабочей группой 15-19 декабря в Берлине. Загладин представлен как «ближайший советник Брежнева», его porte-parole. В этом смысле представлена и его поездка в Рим, встреча с Берлингуэром. Дело изображается так, будто Загладин всюду осуществляет прямые указания Брежнева, который-де решил пойти на уступки итальянцам, французам, югославам, румынам, чтобы конференция все-таки состоялась. Однако, мол, уступки делаются de facto таким образом, чтобы не поймали на слове и не уличили «в отступлении от принципов». Условие, мол, только одно – чтоб коммунисты оставались коммунистами. Но что это означает, никто сказать уже не может. Газета ехидно

советует собрать коммунистов Востока и Запада на коллоквиум с одним вопросом: «Что такое социализм?»

Брежнев-де пошел на уступки не сразу, а после того, как убедился (в ходе подготовительных встреч к европейской конференции), что иначе КПСС не будет иметь ни этой конференции, ни тем более всемирного Совещания.

Знали бы они, какая ситуация на самом деле! Что Брежнев в общем-то не имеет никакого касательства ко всем многочисленным эволюциям Загладина, выслушивает его, если вообще слушает, со скучающим видом, никак не реагируя. Именно так это выглядело в Завидове, когда сразу после Рима и Берлина Загладин за завтраком пытался изложить свои «итоги» и соображения. Брежнев, то и дело перекидываясь шуточками с женщинами и егерем, просто не слушал. Было такое впечатление, что то, что повествовал Загладин за столом, его никак не интересует и вообще не для него предназначено, а так – соседям по столу.

По поводу художеств Марше Брежнев высказался только раз, походя, жалуясь, что плохо спит и что «всякая информация задавила, а я еще должен волноваться, почему Марше с ума сходит!»

В другой раз, за рабочим столом, когда ему доложили, что французы просят ответа о составе делегации КПСС на их XXII съезд, он заметил: «А надо бы их проучить» (имея в виду – снизить уровень делегации).

10 января 76 г.

Началась лихорадка подготовки к совещанию Секретарей ЦК соцстран (27-28 января в Варшаве). Б.Н. опять хочет «поразить мир». Суета его смешна на фоне: а) изложенного выше отношения к нему Брежнева. Не светит ему стать членом Политбюро, дай Бог удержаться на нынешнем уровне. Хотя (а может быть и поэтому!) антикоммунистическая желтая печать продолжает публиковать статьи, в которых Пономарев изображается главой могущественного органа (Международного отдела ЦК), который выше и сильнее КГБ и который дирижирует всеми тайными революционными операциями в мире, финансирует и подчиняет всех, кого можно, советским интересам и политике.

б) По причине того, что процесс ликвидации традиционного МКД стал явным и приобрел, как говорят, необратимый характер. Итальянцы, правда, «извинились» за интерпелляцию в парламенте по поводу Сахарова (после нашего представления). Но – они просто умнее и деликатнее Марше, они понимают, что с Советским Союзом им ссориться невыгодно. А Марше «жмет дальше».

Компартии соцстран ждут от нас каких-то объяснений, поэтому они и настояли на совещании в Варшаве. Оно будет посвящено координации внешней пропаганды после Хельсинки. Но мы там ничего не можем говорить по существу положения в МКД, так как там будут румыны! Да и что толку, если говорить в «нашем традиционном духе»?

12 января 76 г.

Сегодня с консультантами Отдела готовили речь Б.Н.'а к Варшавскому совещанию. А вечером он вызвал меня и надиктовал стенографистке «свой подход» - куча банальностей. И опять раздираем противоречиями: с одной стороны, ему хочется учить братские партии бдительности по случаю накопления «монбланов оружия» (его термин), а с другой стороны, вот-вот будет в Москве Киссинджер и заранее можно предсказать, что его встречи с Генсеком будут «позитивными и консультативными».

С одной стороны, ему хочется что-то сказать о бяках Марше и Берлингуэре, с другой – он понимает, что румыны сразу им об этом донесут и будет предсъездовский скандал.

Встречался с Дроздовым (бывший советник в Париже, теперь наш референт) – информация для ЦК «об отрицательных явлениях в политике ФКП». Все приглажено и отнесено на счет субъективистского подхода Марше. И ничего по существу явления…

Читаю протоколы Секретариата ЦК (мне их дают каждую неделю) – 95 % о награждении предприятий, людей и о «приветствии Генерального Секретаря» тому или иному предприятию, стройке и т.д. Остальное – о перемещениях кадров. И редко какой-нибудь принципиальный вопрос внутренней или внешней политики.

Узнал о замечаниях ЦК КПСС на проект новой программы СЕПГ. Со всеми замечаниями Хоннекер «с благодарностью» согласился, кроме одного – упомянуть о политике «размежевания» с ФРГ. Довольно жестко возражал, поддерживаемый Хагером и Аксеном, не называя подлинной причины несогласия.

Б.Н. со сов Загладина, который звонил ему из Завидово, сообщил, что там состоялось сплошное чтение текста Отчетного доклада к съезду. И будто бы Генеральному вновь очень понравилась та часть международного раздела, которая посвящена «третьему миру» и революционному процессу (т.е. Брутенц-Черняев), а кусок о соцстранах он якобы велел Александрову переписать. При этом – в противоречии с тем, что Брежнев будто бы, взяв большой фломастер, начертал на всем международном разделе: «Принимаю!», - Загладин настраивал Б.Н. (если ему пришлют на просмотр) «поднимать уровень». Я предупредил Б.Н.’а об опасности вторгаться в текст с «принципиальными» возражениями на данной стадии. Я и по существу считаю, что всякая пономаризация текста Отчетного доклада политически вредна.

<u>14 января 76 г.</u>

Был у меня Янош Берец – зав. международным отделом ЦК ВСРП. Поговорили о социал-демократии, о конференции в Будапеште по социал-демократии, которая опять откладывается на май.

Спрашивал наше мнение о Декларации Марше-Берлингуэр. В ответ – травил баланду. Сообщил, правда, что мы делаем «представления» в закрытом порядке по поводу активности Марше насчет диссидентов, а вообще-де наш ЦК «этого вопроса» не обсуждал и мы не намерены перед своим съездом заваривать кашу, не хотим превращать съезд в трибуну раскола. Вообще же, мол, Бог бы с ними – пусть попробуют свой демократический путь, посмотрим, что они будут делать, придя к власти, например, со своими фашистами и т.п. Если б только они не лаяли на нас, на тот фундамент, созданный нашими усилиями и жертвами, - мы бы вообще не стали бы и думать о «теоретическом» публичном опровержении их намерений. Мы, мол, хотим только справедливости: не будь нас, всех наших ошибок, провалов и достижений, нашего драматического опыта, они не могли бы не только болтать подобное, но им бы и в голову не пришел их «демократический путь».

Снят (с директора АПН) И.И. Удальцов, тот самый, который был в 1968 году советником в Праге и на совести которого «информация в центр», приведшая к акции. Его сталинизм и тоска по порядку мне давно известны, с самого XX съезда, когда он был зав. сектором в Международном отделе, а потом зам. завом в Отделе науки. Но сняли его не за эти «убеждения», а за их следствие: болтовню, что, мол, порядка нет, наверху засели старики, ни на что уже не годные, молодым (т.е. ему и К°) хода не дают, отсюда все беды.

Загладин, который только что вернулся из Завидово, рассказывает, что «импульс» об Удальцове на днях дошел туда из Москвы, а там вопрос был решен за несколько секунд. В результате отправлен Иван Иванович - послом в Грецию, где, как известно, «все есть», только его не хватало.

Рассказал Загладин и о проблеме Демичева, как она там вновь разбиралась. Началась, как и при нас, с того, что вот опять (как и перед XXIV съездом) идеологические разделы готовят международники, а соответственные отделы ЦК и министерство культуры абсолютно

не при чем. Брежнев вроде бы заметил, что нет-де подходящего человека на место министра культуры, а то бы… На что Кулаков (который туда был вызван по разделу сельского хозяйства) возразил: «Давайте Шауру туда двинем. Как зав. Отделом ЦК он нам не очень нравится, а как министр, может быть, и подойдет».

В добавок дошло до Завидово, что здесь на последнем заседании ПБ, Демичев якобы заявил, что надо-де «принимать меры» …, в экономике у нас непорядок, в Международном комдвижении тоже… До каких пор будем терпеть?

-Ах, он говнюк, - воскликнул Генеральный. – А у него в идеологии был порядок!? Сейчас у него в культуре порядок!?

Очень, говорит Загладин, гневался.

Б.Н. предложил мне подумать, кого бы выдвинуть в новый состав ЦК (из «нашего актива», т.е. людей, могущих работать по нашим заданиям – в МКД и среди общественных движений). Я предложил: Некрасова («Правда»), Наумова («Новое время»), Ратиани («Правда»), Полякова («Известия»), Трухановского («Вопросы истории»), Стукалина (Комитет по печати), Аганбегяна (академика из Сибирского отделения).

Б.Н. с негодованием отверг Ратиани, пропустил мимо ушей Аганбегяна, поспорил со мной насчет Трухановского, но все-таки оставил в списке. Помянул я также Тимофеева со всеми, разумеется, оговорками. Б.Н. очень сомневается, хотя ему хочется иметь нечто более послушное в составе ЦК, чем Арбатов и Иноземцев.

Думаю, что Генеральный включит в ЦК (в Ревизионную комиссию) Сашку Бовина.

<u>19 января 76 г.</u>

Сегодня зашел Иноземцев. Он с Арбатовым, Бовиным, секретарем ЦК Кулаковым и помощниками Генсека вернулись в Завидово после Нового года, в отличие от меня, Брутенца и Ковалева. Позвонил по моему ВЧ в Тбилиси Шеварднадзе.

Спрашивает:

- Что делаешь?
- Вот видишь: готовлю Варшаву (совещание Секретарей ЦК), речь Б.Н.’у пишу.
- Ты знаешь, на днях такой всплеск был там, в Завидово по этому поводу. Не помню уж, с чего пошло, только он (Генсек) как вспыхнет: «Х… знает чем занимаются, какое-то совещание придумали! Делать нечего! Вместо того, чтоб нам вот помогать съезд готовить, занимаются чепухой. И что они там перед съездом могут наговорить?! Кому это нужно!» И пошел, и пошел по вашему Пономареву. Александров даже вступился, говорит: «Ну, зачем же, мол, так, Леонид Ильич. Ведь вот первый зам Пономарева Загладин здесь с нами работает, до этого работали и очень много сделали Черняев и Брутенц - они тоже из пономаревского отдела. Так что Международный отдел ЦК уже немало сделал для Отчетного доклада» и т.д. Но тот ни в какую. Досталось опять бедному Б.Н.’у - хуже, чем тогда с этой злосчастной кубинской телеграммой.

Я буквально взревел: Как же так, Коля? Ведь не только мы, замы, но Б.Н. сам был против того, чтоб проводить это совещание до съезда. Б.Н. тянул с этим два месяца, хотя на него давил Катушев и чехи. Но он уже не мог сопротивляться, когда из Варшавы со съезда ПОРП пришло сообщение, что на встрече делегаций братских стран Брежнев горячо поддержал эту идею, выдвинутую Гусаком и Биляком. Именно они предложили перенести на январь это очередное совещание, намеченное на июнь (в Варшаве). Это же зафиксировано и в телеграммах из Варшавы от советской делегации, и в письмах-приглашениях ЦК ПОРП Лукашевичем и Фрелеком, которые на этой неделе специально приезжали в Москву. Мы все не идиоты и понимали, что до нашего съезда довольно нелепо проводить совещание по координации внешнеполитической пропаганды. Однако, кто же мог ослушаться прямого указания. Коля! Ты пойди и расскажи все сейчас Б.Н.’у.

Он колебался, потом позвонил в приемную: Б.Н. оказался занят с делегацией. Посидел, порассуждал вслух и стал вдруг убеждать меня ничего не говорить Пономареву, не волновать старика, все равно ничего уж не изменишь.

Но я пошел к Б.Н.'у и рассказал ему. Тот действительно был удивлен, расстроился. Долго рассказывал, как было дело, хотя знал, что я и так все знаю. Я ему говорю: Вы ведь все равно должны сообщить Леониду Ильичу свои замечания по Отчетному докладу (текст был разослан Секретарям ЦК), вот «как бы невзначай» и скажите ему, что выполняете его задание.

Б.Н. ответил, что Брежневу звонить запрещено. Замечания он передаст письменно. И вообще он влезать в это дело не будет. Пусть Катушев… Я ушел.

Что же происходит?

Либо Брежнева не поняли (хотя при мне еще в Завидово он по какому-то случаю хвалил «идеологическую координацию соцстран»); либо он настолько не любит Пономарева, что само его присутствие в каком-нибудь деле превращает в глазах Генерального это дело в пустое занятие и выпендреж, в «глупость академика». А тот-то старается, из кожи лезет, все норовит показать, как он горит на работе и «служит партии», не считаясь ни со здоровьем, ни с возрастом.

В субботу был на творческом вечере Евтушенко. Лично был приглашен им, и билеты (2) он мне, заплатив, оставил загодя в дирекции ЦДЛ. Один билет отдал у входа какой-то дрожавшей на морозе женщине. Потом сидели рядом. Она оказалась из Тулы, работает в типографии. Обожает Евтушенко: «из всех газет вырезаю его стихи». Прелесть, какая непосредственность и простота. И еще раз я подивился этой нашей провинциальной образованности, в которой неведомая российская сила, хотя это и очень смешно с точки зрения столичной интеллигентности (даже настоящей, не снобистской).

Читает он себя хорошо, с блеском. Бутылка кефира, подтягивание штанов, впрочем по последней моде Лондона, откуда он только что прибыл.

Особенно «Старухи». Новая поэма про Ивана Федорова – так себе, перепевы его собственной (и других) модной темы: культура и власть через старину. Может быть, под влиянием Дезьки (Давида Самойлова), но без дезькиной образованности и исторического чутья, и с кукишем в кармане, которые слишком уж грубо выпирает.

Публика на 90 % евреи. Попробовал понять – почему. Но обессилел в поисках ответа. В основном – около-литературная среда и просто завсегдатаи культурных мероприятий подобного рода. Впрочем, все было пристойно, не хлопали буйно в местах, пахнущих «антисоветчиной».

27 января 76 г.

Только что вернулся из Варшавы. Уехал туда в воскресенье. Совещание секретарей ЦК соцстран по международным и идеологическим вопросам. Делегация: Пономарев, Катушев, Смирнов. Кроме того – замы и консультанты.

На самом совещании – обычный обмен трепом, который, впрочем, косвенно отражает политическое настроение в каждой партии-участнице.

Но сначала – «шестерка» (без румын и почему-то без кубинцев и монгол) в замке Радзивилла. Парк и замок, - как в польских кинофильмах.

Б.Н. информировал о позициях французской и итальянской компартий. Вместо того, чтобы зачитать нашу памятку, где все четко и логично, он полтора часа (иногда возвращаясь к тексту и путаясь) разводил бодягу (думаю, что они не всегда могли даже следить за «ходом мысли» – «хода» не было).

Все потом поддакивали и выражали обеспокоенность, а болгары даже развели теорию о ревизионизме и проч. Договорились по нашему совету – шума не поднимать, открытой полемики не вести, но в «позитивном плане» теоретически доказывать неправильность и опасность новых взглядов.

Потом, сегодня утром, когда Б.Н. и Катушев отдельно встречались с Гереком (мне рассказывал Костиков, зав. сектором из братского отдела, он переводил), Б.Н. занял в отношении перспектив «исправления ФКП» гораздо более пессимистическую позицию, чем он обычно придерживается с нами. Когда ему Герек предложил воздействовать на Жаннету Вермеш, чтоб она опротестовала ссылки Марше на Тореза по поводу диктатуры пролетариата, Б.Н. возразил: не исключено, что эти ссылки имеют основания.

Естественно, на общем заседании – ради чего официально съехались – ни словом, ни даже намеком французы и другие не были упомянуты. Сорвалась запланированная встреча замов международных отделов для обсуждения франко-итальянской проблемы, потому что референт, сопровождавший румын, по ошибке пригласил и их зама. Была сцена из «Ревизора», но Фрелек (поляк, председательствующий) быстро совладал с собой и начал тачать баланду, а мы все активно поддержали.

На прощальном концерте вчера поздно вечером я не был: надо было сочинять отчет-шифровку. Да и не хотелось. Мне претит эта нарочитая непосредственность официальных веселий.

Утром доделывал шифровку уже с участием Б.Н. и Катушева.

28 января 76 г.

На работе: Б.Н. мечется с «диктатурой пролетариата». На нем сидит Кириленко, который поедет на XXII съезд ФКП, а Марше в последний момент согласился его принять «в ходе съезда». Кириленко потребовал от Б.Н.'а: что, мол, говорить про диктатуру. Пономарев, естественно, потребовал от меня. Я продиктовал три страницы: мол, почти все КП не употребляют теперь этого термина, но ни одна до вас не делала сенсации, когда меняла формулировки. А вы превратили этот вопрос (нужный вам по внутренним соображениям) в наживку для антисоветчиков и провокаторов раскола в МКД. Мы же никогда не возражали против корректировки теории в соответствии с обстановкой и мы, КПСС, начиная с XX съезда, остро и принципиально поставили вопрос об учете специфики в каждой стране. Спорить с вами публично по диктатуре пролетариата я не собираюсь. Однако, неясно многое, - прежде всего, как «новая власть» будет защищать завоевания «новой демократии» от тех, кого, вы сами говорите, начнут экспроприировать. Да и опыт Чили не стоит так уж попирать ногами, как это вы делаете. И т.д.

Б.Н.'у это все не понравилось. И он продиктовал в моем присутствии свое. Смысл: отказ от «диктатуры пролетариата» – ревизия (хотя этого слова нет), которая грозит вам расколом в партии. Впрочем. Тут же откомментировал – «все равно не послушают!»

То есть опять он разрывается между ортодоксией, здравым смыслом и желанием «попасть в точку» перед начальством.

Взбесила его последняя беседа посла с Плиссонье в Париже. Тот клялся, что отношение к КПСС и СССР для ФКП – принцип. И разногласия – это «частности», а вообще-то будем-де всегда верны и громко скажем и напишем в резолюции о значении Советского Союза, пролетарского интернационализма. Однако, один абзац, настаивал француз, будет о «несогласии с КПСС» по вопросам демократии. «Не сказать мы теперь этого не можем!» Вот так.

Политическая логика неумолима. Теперь они в документе съезда затвердят право на критику КПСС и легализуют тем самым разногласия в МКД, как естественную форму его жизнедеятельности! Вобьют официальный гвоздь в наш тезис (и в нашу ностальгию) о монолитности.

Б.Н. сочинил три страницы для Кириленко – что сказать, мол, Плиссонье по этому поводу. Думаю, не пройдет!

10 февраля 76 г.

Сегодня утром Б.Н. собрал меня, Шапошникова, Жилина, Брутенца и заявил, что срочно надо сочинить статью о советской демократии. Есть-де сведения, что Марше превращается в глазах наших диссидентов в мессию, которая принесет и им, и «советскому народу» свободу и демократию, в защитника всех у нас гонимых. Конечно, не надо прямо называть Марше, но надо «дать ему понять», а всех, кто на него рассчитывает предупредить, что «так было – так будет», что «мы будем защищать свой режим всеми возможными средствами». Именно – предупредить, чтоб «потом не пришлось сажать, что нежелательно». Это, говорит, все – результат того, что «слушают всякие голоса». Татары крымские апеллируют к Марше. Вы знаете, как было с Плющем: Марше и «Юманите» выступали за него яростнее, чем «Свободная Европа», а потом в Париже была пресс-конференция Плюща и «Юманите» ее целиком перепечатала.

Евтушенко, вроде собирается возглавить поход студентов к XXV съезду с призывом «дать свободы» (думаю, что это вздор).

Так вот: надо объяснить, какая у нас демократия и подтекстом предупредить Марше, что у него ничего не выйдет! Пошли сочинять.

5-8 февраля прошел XXII съезд ФКП. Б.Н. много вложил сил, чтобы составить речь Кириленко (глава нашей делегации) – эзоповским стилем дать понять, что мы выражаем большое «фэ» по поводу новой линии ФКП. Однако, французские коммунисты сделали вид, что «фэ» они не заметили и бурными аплодисментами приветствовали делегацию КПСС, в том числе и речь Кириленко.

По существу же съезд стал поворотным пунктом в МКД. В официальном документе съезда самой ортодоксальной и самой авторитетной в капиталистическом мире компартии легализовано право на развитие марксизма-ленинизма без КПСС, вопреки КПСС, а кое в чем и против КПСС. Причем, обставлено все это «горячим» признанием заслуг КПСС, роли СССР, Октябрьской революции, в том числе советской диктатуры пролетариата, клятвами верности интернационализму, солидарности с СССР, со странами победившего социализма и т.п.

Тем самым «на товарищеской и интернационалистской платформе» узаконено не только право на несогласие с КПСС, но и желательность на критики КПСС, ее политики, ее методов и т.п.

Эти дни вся мировая печать завалена комментариями XXII съезда ФКП и все признают, что даже если это все – тактика, то она не может остаться без последствий, ибо после того, что сказано и сделано – возврата нет. Попытка возвратиться назад теперь будет гибельна для партии.

А мы ведем себя глупо: напечатали в «Правде» доклад Марше «с купюрами как раз самых главных мест, которые и определили «поворот». Теперь товарищ Пономарев удивляется: мне, говорит, звонил один политически зрелый, теоретически грамотный преподаватель марксизма, очень опытный человек и изливался в восторге по поводу доклада Марше… Я громко отпарировал: «А что вы хотите? Дезинформация в таких вещах всегда, а в наше время почти немедленно, оборачивается против нас самих».

- А куда же вы смотрели? Я же вам давал читать укороченный текст для «Правды».

- Нет, не давали. Напротив, вы уже потом спрашивали мое мнение, не стоит ли наложить запрет на продажу «Юманите» с докладом Марше. И я, как помните, категорически возразил. Мы перепечатываем статьи из «Нойес Дейчлянд» с похвалами диктатуры пролетариата, даже пошли на такую дешевку, как перепечатка речи Чаушеску в защиту диктатуры пролетариата.

Сами же сказать ничего не можем. Во-первых. Потому что наше громогласное выступление в защиту диктатуры пролетариата для других (у нас самих уже «общенародное государство») вызывает всеобщее подозрение, в том числе и по линии внешней политики. И уже – никого не направишь на путь истинный. (Кстати, в консультантской группе подсчитали,

что из 89 компартий только у 14 это понятие сохранилось в программных документах!). Да и теоретически смешно опровергать французов, которые по существу сохраняют все главные элементы диктатуры пролетариата, как категории социально-политической (по Ленину, в широком смысле слова), но отвергают применимость ее в узком смысле слова (тоже по Ленину), как орудия насилия, не считающиеся ни с какими законами.

Пономарев это понимает. Недаром он сегодня обмолвился: «это, мол, их внутреннее дело, и диктатуру пролетариата в статье не надо трогать».

Между тем, перед отъездом делегации в Париж он несколько дней меня мучил на эту тему – все хотел в памятке для беседы Кириленко с Марше заложить втык по поводу диктатуры пролетариата. Я же все ему делал заготовки на тему о том, что «нас удивила и обеспокоила форма отказа от диктатуры пролетариата, сенсационная и антисоветская, в то время как другие партии это сделали так, что никто в мире не заметил» Он это отверг. В результате Суслов и Кириленко вообще решили, что не надо эту тему поднимать с Марше и акцент сделать на «недопустимости открытой критики КПСС в Отчетном докладе» (по поводу демократии). Однако, и Плиссонье, встречавший делегацию, и потом Канапа, и сам Марше категорически отвергли наш протест.

«Не успевает» старик, мечется, мельчит, не знает, за что хвататься.

Еще пример: в январе в Эльсиноре и Париже прошли две социал-демократические конференции на высшем уровне. Главный вопрос – об отношении к коммунистам (в виду их такой эволюции!). Предложил мне отреагировать заметкой в «Правде». Мы сделали. Вот уже две недели она лежит у него на столе среди вороха других бумаг. А время ушло!

14 февраля 76 г.

Я устал «в принципе» от бесконечных вздорных инициатив Б.Н.'а, которые требуют постоянного «творческого» напряжения, т.е. надо все выдумывать что-то «оригинальное», заниматься фарисейской публицистикой.

Кончился французский съезд, вернулась наша делегация. Но не кончились наши мытарства. Надо, учит Пономарев, подготовить «страничку» для Отчетного доклада – определенно откликнуться на французскую ситуацию, хотя термин «диктатура пролетариата» не поминать. Мол, (вы же шифровки читали) хорошие партии ждут, что XXV съезд даст ответ французам, а наши люди (вы ведь читали подборку писем в ЦК от разных и простых людей, возмущающихся поведением Марше!) тоже хотят ответа.

Я спросил: А как со статьей?

- Статью отложить или поручить доделать консультантам.

Только я вернулся к себе, звонит Андрей Михайлович (Александров-Агентов). Спрашивает: вы имеете какое-то задание в связи с докладом Леонида Ильича? Пришлось признаться. Тогда он раскрыл карты. Оказывается, Андропов предложил вставку: об общих закономерностях, которые обязательны для каждого марксиста-ленинца и под которыми стоит подпись всего МКД на совещаниях 1957, 60 и 69 годов. Мол, Брежнев принял это, Суслов горячо одобрил, а Пономарев «не очень внятно» согласился. Какое мое мнение? (И зачитал текст вставки). Я сказал, что очень уж в лоб и к тому же совещания 20-летней давности ни для кого сейчас не резон. Они (в том числе ФКП) как раз и апеллируют к творческому развитию даже Ленина. Что им совещания! Не говоря уже о том, что тем самым мы намекаем, что, например, и пассаж по СКЮ в заявлении 1960 для нас по-прежнему valable. Александров, как всегда он делает, когда вопрос практически решен, бурно стал отстаивать вставку Андропова. Я, естественно, не стал продолжать дискуссию.

Кончили разговор мирно: хочу, говорит, порадоваться теперь вместе с вами, что фундамент международного раздела, заложенный нами в Ново-Огарево, остался не поколебленным.

И тем не менее спросил: а вы все-таки будете делать еще вставки? Я говорю: но я же не могу манкировать поручением Пономарева. Это уж вы с ним решайте!

Потом, часа через два Блатов уже подгонял со вставками, возражая, впрочем, против самой инициативы Б.Н. Сделал я эти вставки (с участием Карэна): эзоповщина, но для всех очевидная попытка ткнуть Марше в самые слабые места.

Но у нас с Карэном такое ощущение, что так же, как со статьей по Марше, эта «инициатива» не дойдет до цели. Б.Н. сам это чувствует. От утра до вечера его энтузиазм заметно обмяк.

Ворох всяких справок и памяток идет для тех (членов ЦК, министров и проч.), которых мы (решением ЦК) прикрепляем к братским делегациям. Некогда этим как следует заняться, но мимо наиболее важных я проходить не могу: читаю и правлю. И не перестаю негодовать и материться. Видно не только равнодушие и делячество (тяп-ляп, сдал, отчитался) нашего аппарата, не только убогие способности многих (по теперешним требованиям), но и неповоротливость мысли, непонимание и неумение реагировать на совершенно новую ситуацию в МКД. Отсутствие политического чутья – то, что раньше кое-как работало в нашу пользу, теперь (то же самое) будет работать против нас.

22 февраля 76 г.

Б.Н. все-таки добился, что статья его была сделана и опубликована буквально за несколько дней до съезда: 20-го числа. Намучился я с ней… Называлась она поначалу «Свободы, которые мы будем защищать». Придумал Жилин, Б.Н.'у очень понравилось. Но Суслову совсем не понравилось и он предложил – «Свободы действительные и мнимые» (как и предвидел Карэн).

В 14-00 после линотипирования начисто статья пошла по Политбюро. И вскоре – замечания от них. Андропов настаивал, чтоб эмиграция евреев во всех случаях связывалась только с «воссоединением семей». Я – в тройке приемщиков замечаний – доказывал, что «это же не соответствует действительности»: надо понимать – он не хочет больше поощрять эмиграцию вообще, по любым мотивам.

Вообще же, я считаю, что с точки зрения внутренней самым главным пунктом статьи является абзац о евреях, который я сходу сочинил и который ни у кого, ни на одной стадии не вызвал замечаний. Что евреи в основной массе такие же советские люди, как и все другие, и что для них Советский Союз – единственная (против претензий Израиля на двойную лояльность, на право для евреев иметь две родины!) и любимая родина, и что они с негодованием отвергают саму мысль о возможности ее покинуть. Такую морально-политическую реабилитацию евреев в «Правде», т.е. официальную, от имени ЦК (статья подписана «И. Александров») давно пора было сделать. Это нужно и для самих наших евреев и против наших антисемитов, официозных и самодеятельных.

Косыгин, позвонив Пономареву, восстал против выражения: «социализм дал свободу от нужды», дав понять, что нужда, мол, еще есть.

Андропов и Кириленко «попросили» убрать угрозу о том, что в прошлом году у нас лишь 15 человек было арестовано за антисоветскую деятельность (имелась ввиду пропаганда).

Полянский потребовал значительно сократить «кусок о сумасшедших» (т.е. о «психушках»).

Суслов, который читал уже второй раз, тщательно убрал слово «эмиграция» (евреев), заменив его везде на «выезд».

Блатов попросил дать в активной форме часть о Хельсинском заключительном акте. И больше ничего не сказал. Это было воспринято, как молчаливое одобрение «факта» выпуска такой статьи со стороны Брежнева. Вообще-то мы думали, что из его окружения (или он сам) как раз и будет возражение: нашли, мол, время! В канун съезда! Но – не последовало, хотя Соломенцев, например, нажимал именно на это.

Катушев прислал свой текст, испещренный редакционными поправками. Кое-что мы приняли, а в основном – это вкусовщина не очень искушенного в писании человека. Зимянин пренебрежительно, с эпитетами, удивлявшими и шокировавшими Лукича (Г.Л. Смирнов), хотел отвергать все подряд.

Уже вечером, часов в восемь Зимянин попросил меня приехать в «Правду», чтоб вместе еще раз пройтись по тексту после всех замечаний. Сидели до 11-ти, т.е. впритык к запуску в машину утреннего выпуска «Правды».

Думаю, что шум большой будет вокруг статьи. Это ведь еще одно разъяснение, что из-за Хельсинки мы не собираемся менять своих порядков и вообще не имели этого ввиду.

Другая статья, которую мы с Вебером сочинили еще раньше (о социал-демократических конференциях в Эльсиноре и Париже), напечатана была 13 февраля, с санкции одного только Пономарева, который, будучи ее инициатором, продержал текст у себя 10 дней, а потом вдруг утром позвонил: «Я согласен, можно давать!»

Её на Западе вроде бы не заметили. Между тем, мне казалось, она закладывала «новый стиль» разговора с социал-демократами.

А наряду с этим – огромная текучка: всякие записки и справки в связи с приездом братских делегаций на съезд и предстоящей с ними работы.

Нам с Карэном поручено еще составить тост, с которым Брежнев выступит 5-го марта на приеме в честь иностранных гостей съезда. (Из подобного тоста, как говорят, родилась знаменитая речь Сталина на XIX съезде – о знамени буржуазных свобод…). Но мы на такое не претендуем, разумеется, тем более, что в эпоху многоговорения даже яркие политические афоризмы живут не более одного газетного дня.

Кстати, Марше на съезд не едет, а Берлингуэр едет. Итальянцы сейчас вообще один за другим выдают «горячие братские высказывания о КПСС» - набирают очки за счет дурака Жоры (Марше).

<u>7 марта 76г.</u>

За эти две недели прошел съезд. И, конечно, было бы интереснее помечать хоть что-нибудь каждый день. Но в таких случаях получается, как бывало на фронте: в самое жаркое время невозможно было даже вспомнить о дневнике, а когда бои уходили – записи превращались в «литературу».

Тем не менее, что-то «свое» хочется оставить для памяти.

Неожиданно бодр и четок в произношении был Брежнев. Причем, чем дальше, тем энергичнее он читал текст. Думаю, что был на уровне своих выступлений (в смысле ораторства) 4-5-летней давности. На это обратили внимание и инопресса и комделегации.

Доклад прозвучал (как я и ожидал, потому что я-то его знал во всех подробностях) более «партийно», чем на XXIV съезде и особенно по сравнению со всеми большими его выступлениями последних лет. То есть – в том смысле, что он не был докладом главы государства и правительства, в качестве которых Брежнев действовал и выступал в последние годы, а был текстом партийного лидера, хотя по своей словесности и формулам сильно отличался от ортодоксальных партийных докладов времен Сталина-Хрущева.

Прежде всего - критичностью по внутренним делам и отсутствием крикливости, демагогии по внешним делам. Все и на Западе, и в зале обратили внимание на «сбалансированность», спокойный тон и «уверенность в себе». Даже в отношении МКД проявлена сдержанность, которой, будь это не Брежнев, а любой другой из нынешнего ПБ, не бывать бы.

Разумеется, во всем этом сказалось «искусство» бригады, которая писала доклад, однако, определяющим был характер и подход самого Брежнева. Это уж я, что называется, могу утверждать из «первых рук». Сам все это видел и в какой-то степени соучаствовал. Это называется Отчет ЦК. Но ЦК даже не видел текста доклада. Ему на Пленуме за 4 дня до

съезда было сделано «сообщение» (Брежневым) о докладе объемом в 30 страниц, в то время, как сам доклад – 130 страниц.

Доклад прочли один раз члены ПБ и Секретари ЦК, а отдельные (Суслов, Пономарев, Андропов, Громыко) имели возможность смотреть и один из последних предварительных вариантов. Собственно, эти четверо и сделали кое-какие замечания, которые были учтены. Б.Н.: усилить тему разоружения и сказать о женщинах. Суслов: сильнее о кризисе капитализма и сказать, что уступки оппортунизму (в компартиях) в конечном счете обернутся против партии. Андропов: сказать об общих закономерностях социалистической революции, сославшись на Совещание коммунистических и рабочих партий 1960 года. Громыко еще летом предлагал объединить разделы о «третьем мире» и капиталистическом мире. Но это не прошло… через Александрова. Замечания Суслова и Андропова «ужесточили» соответственные места доклада. Но на общую его тональность не повлияли. Так что можно сказать, что это даже не доклад Политбюро, это – целиком брежневский доклад.

Мои 12-14 страниц остались практически в новоогаревском виде. Но – с отмеченным «ужесточением». И другие мои некоторые вставки и редакционные варианты (в других разделах) прошли. Сильнее был затронут текст Брутенца (о третьем мире), но «дух» сохранен и основные формулы тоже.

Я был в зале только на докладе (в первый день) и при закрытии съезда 5-го числа. Остальное время – за сценой, в полуподвале, в артистических уборных вместе со всем нашим отделом.

Моя обязанность была – «выпускать» для стенограммы съезда и для «Правды» речи и приветствия братских делегаций.

Иногда приходилось просто переписывать. Во многих случаях, особенно у маленьких, безнадежных партий поражала (даже меня) элементарная политическая неграмотность. Куда там – до наших тонкостей и всякого рода ухищрений, например, чтоб отделить разрядку от вмешательства («революционного») в чужие дела. Вся наша формулировочная изобретательность просто до них не доходит. И они в «классово ясных» выражениях засвечивают то, что мы всячески в своей прессе и в своих документах хотели бы укрыть. Так вот, мне очень часто с помощью «редактирования» приходилось все же укрывать «самое невозможное». Иногда – в рамках перевода, иногда – советовать оратору поменять или исключить, подсказать формулу, а чаще всего – оставлять для стенограммы, но решительно изымать для «Правды». Конечно, сравнительно легко было уговорить сирийца опустить абзац о том, что МКД должно сплачиваться «вокруг КПСС». Труднее – заставить Сиада Барре (президента Сомали) не давать для «Правды» разгромные абзацы о французском империализме в Джибуте. Или – уговорить марокканца и алжирца не устраивать свалку по поводу Западной Сахары.

И совсем не удалось что-либо поменять у Берлингуэра и Макленнана. Да, собственно, и не пытались. Все понимали, что – безнадежно.

И тот , и другой, как и Плиссонье (Марше не приехал), в вежливой форме сказали все, что хотели: и о «своем социализме», и о демократии, и о свободе культуры, и о желании (итальянцев) остаться в НАТО, и о несогласии (французов) с нами насчет Жискара и вообще французской внешней политике.

Все это обратило на себя внимание. Поэтому, когда Машеров, Щербицкий и некоторые другие говорили об оппортунизме, «модернизации» марксизма, об интернационализме – зал встречал эти пассажи чуть ли не овацией. И под гром аплодисментов шла речь Гэс Холла, который всю ее посвятил фактически прямой атаке на французов, итальянцев, испанцев, англичан.

Впрочем, Холлу нечего терять и не перед кем отвечать и за слова, и за политику, которой у него нет, так как нет никакого политического влияния, тем более – перспектив. Однако – и Макленнан, собственно, в таком же положении. И то, что он «осмелился», было

воспринято как оскорбление съезду. Президиум на него реагировал хуже, чем на Берлингуэра: «Что позволено Зевсу, не позволено Быку». Туда же, мол!..

Словом, наш съезд «засветил» реальную ситуацию в МКД на глазах у всего мира. И теперь надо со всем этим считаться. Выход один: не признавая открыто, отступать в сторону «нового интернационализма» (итальянцев), чтобы вообще что-либо от интернационализма сохранить.

Чтоб закончить начатую тему, в ходе и особенно по окончании съезда встречался с несколькими делегациями: за обедом в гостиницах и в ЦК тоже. Убожество. Они очень плохо или совсем не осведомлены друг о друге (одна партия о другой). И сами ничего собой не представляют: канадцы, ирландцы, австралийцы, немцы, да и англичане тоже, а теперь еще мальтийцы и целый сонм латиносов.

Здесь их возят на «Чайках» с милицейской мигалкой. Они нам заявляют всякие претензии и даже обиды. Каштан пригрозил уехать со съезда, если ему не дадут слова с трибуны Дворца съездов. Между тем, он сам и его партия стоит не больше тех шести десятков других, которым пришлось выступать не во Дворце съездов, а на активах в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Волгограде.

Поразило меня и то, что, например, канадцы только понаслышке знают о позиции ФКП, о художествах Марше, вообще о ситуации в европейском комдвижении. Они даже не знают того, что пишет «Унита» и «Юманите», не знают «Morning Star», хотя она – на их языке.

Все это еще и еще раз убеждает, что основная масса братских партий – чистая символика. И не будь Москвы, они значили бы (если бы вообще существовали) не больше любых других мелких политиканских группочек, которые есть в любой стране «свободного мира».

На этом фоне наглядно смешными выглядят потуги Пономарева «учить» и «мобилизовывать» их с помощью своих и АПН'овских статей и брошюр.

У Брежнева, может, не до конца осознанная, но несравненно более реалистическая «философия» МКД.

Реальная альтернатива капитализму – ФКП, ИКП и социал-демократы, разумеется, «при нынешнем соотношении сил на мировой арене», т…е. при наличии нас. МКД же, как целое – это чисто идеологическая, причем безнадежно устарелая категория.

С другого фланга это подтверждено на съезде массированным присутствием черных африканцев и некоторых арабов, которые не в МКД.

13 марта 76 г.

На съезде меня избрали в Центральную ревизионную комиссию, т.е., что называется, в состав ЦК. Еще месяца полтора назад, когда Б.Н. просил подумать, кого бы из нашего (международного) актива можно было бы рекомендовать в ЦК, он вскользь обмолвился, что-де говорил с Сусловым обо мне и Шапошникове. Я ни тогда, ни после не допускал и мысли, что это может произойти (особенно, учитывая отношение ко мне Суслова). Поэтому, когда после закрытого заседания съезда Б.Н. сообщил мне, что я включен в списки для тайного голосования, я воспринял это как неожиданность. И не нашел ничего другого, как в ответ спросить: «А Шапошников?»

- А Шапошников – нет. Троих от одного отдела невозможно (он имел в виду и Загладина).

Вечером появились подробности. Позвонил Бовин (он делегат съезда, был на закрытом заседании) и стал поздравлять: «Откровенно говоря, я ждал фамилию Шапа, когда зачитывали список… И был приятно удивлен, услышав не его, а твою фамилию… Чтоб только между нами, - Загладин очень двигал Шапа там в Завидово. Но Генеральный морщился. Отговаривался, что он его не знает и т.п.»

Это единственный намек, что проблема обсуждалась в Завидово. До конца я так и не знаю, как было. Ясно, что решающим звеном был Суслов в отборе кандидатов в состав ЦК. Может быть, некоторые «выносились» на решение Брежнева. Возможны два варианта: либо Суслов акцептировал от Пономарева обе кандидатуры, а потом сам выбрал или посоветовался с Генеральным. Либо Б.Н.'у было предложено самому выбрать из двух и он предпочел меня.

Когда он меня поздравлял уже официально, на мое заявление, что-де мне «немного неловко», он ответил, что Шапошникова «там» не знают и вообще он больше по оргвопросам и работает только в «масштабах отдела»…

В Отделе явно не ожидали такого оборота дела. По аппаратно-отдельской логике всем показалось бы более нормальным, если бы выбрали Шапошникова. Он и держался как «главный», хотя и отдавал должное Загладину, как официально первому заму. И в последнее время буквально не отходил от Загладина. И видно было по всему его поведению и настроению (а в дни съезда особенно), что ему «очень хочется».

Среди коллег, как говорят друзья, мое «возвышение» было воспринято «с хорошим удивлением». Меня многие поздравляли и из других отделов тоже, и большинство – от души. Считают, что «по справедливости» и «заслуженно», за работу. Знают, что я этого не искал, не заботился об этом и уж во всяком случае «не интриговал» ради этого (как выразился Арбатов). В Отделе, да и вокруг знают, что я много работал «на дачах», т.е. непосредственно для съезда. Кое-кто из тех, кто меня не любит, говорят (между собой): мол, награда за Завидово. Но и они не могут отрицать, что «за дело», а не по блату.

При всем при том, у меня такое ощущение, что, если мое избрание было воспринято, как некая мини-сенсация, то будь на моем месте Шапошников – оценили бы, как совершенно нормальный шаг.

Именно поэтому Шапошников оказался в дурацком положении. И переживает он тяжело. Думаю, меня возненавидел, - он ведь «при всем уважении» и внешне товарищеских отношениях всегда считал себя старшим по званию, и его таковым воспринимали. Да и я, чтоб ублажить его тщеславие, «делать приятное» (мне ведь ничего это не стоило, только удовлетворяло мое внутреннее пренебрежение к нему) – тоже держался как «младший по званию», хотя и равный по готовности взять на себя любую положенную мне ответственность.

Б.Н. не продвинулся. Так и оставлен в свои 72 года кандидатом в члены Политбюро. А он ждал и явно был уверен, что на этот раз «произойдет». Только я и Брутенц, из близких ему людей, знали, что «не произойдет». Но он-то тоже думал «о справедливости», о награде «по делам». И держался соответственно: из кандидатов выскакивал в зал съезда первым, сияющий, приветствующий налево и направо, «патронирующий» огромную часть президиума, заполненного главами делегаций.

Таким же он вбежал и в Свердловский зал на Пленум ЦК, а через полчаса я видел его вновь в президиуме съезда, на своем прежнем месте – объявляли результаты выборов руководящих органов ЦК – бледный с деланной улыбкой на лице, напряженный. Рядом с сияющим и готовым лопнуть от распиравшего его восторга Романовым, которого избрали в ПБ. Хуже Пономарева выглядел только Полянский, которого вывели из ПБ, но который еще сидел в первом ряду президиума съезда, вынужденный вместе со всеми бурно хлопать всему происходящему.

<u>14 марта 76 г.</u>

Однако, Б.Н. – «железный человек». На работе он был уже «как обычно». Поздравлял меня и объяснял почему Шапошников не прошел. Он только сказал, что «Суслов – не щедрый человек…, я на себе это чувствую». И «перешел к очередным делам» (цитата из «Краткого курса истории ВКП(б)): - нужно писать для него статью для журнала ПМС об итогах и значении съезда; готовить итоговую записку в ЦК о положении в МКД в свете присутствия на съезде братских делегаций; доклад-отчет делегата съезда перед организацией, пославшей его

туда… (почему-то в Литве, хотя выбирали Б.Н.'а в Дмитрове). Мелочь и повседневность прочих дел. Как ни в чем не бывало.

Брутенц, когда я с ним заговорил об этом, отпарировал: ты, мол, меришь по себе – бросить все, плюнуть, заняться своими делами, в АН, например, и т.д. Сколько можно, 72 года! Но у Б.Н. другая жизненная логика: он упорно ждет своего часа, будет ждать очередного Пленума, будет ждать ухода Суслова.

Может быть, - и так. Однако, мне эта логика не понятна. Хотя бы умерил фонтан своей инициативы, которая на 80 % идет в корзину и производит наверху явное обратное впечатление, – снижает еще больше его шансы.

Был на секретариате ЦК в четверг. Вел Суслов. Любопытно его замечание по нашему (и Отдела пропаганды) проекту о пропаганде итогов съезда. Была написана невинная фраза: использовать выступления братских делегаций для показа роли КПСС в МКД. Он очень нервно стал возражать: «Нельзя так писать. Куда вы нас тянете? Чтоб нас еще раз обвинили в гегемонизме, в претензиях на особую роль в МКД? Нельзя, нельзя. Это надо решительно изменить».

Другой эпизод. Обсуждалась статья о Сталине для БСЭ. Суслов говорит: я сравнил ее со статьей, которая в 1970 году была опубликована в Исторической энциклопедии. Товарищи взяли фактически тот текст, но выбросили из него некоторые моменты: 1. Что Сталин допустил ошибки во время коллективизации, а потом они были исправлены Центральным Комитетом «с участием Сталина». 2. Из письма В.И. Ленина съезду о Сталине и др. снято место, где говорится о его грубости и других чертах, которые нетерпимы у политического деятеля, занимающего такой пост. Я, мол, считаю, что неправильно сняли. Надо восстановить. А то будут сравнивать и задавать вопросы. С другой стороны, надо восстановить и еще одно место, «в обратном отношении». В прежнем тексте говорилось, что Сталин проявил себя во время Гражданской войны, как крупный военно-политический деятель и был в 1919 году награжден орденом Красного Знамени. Это почему-то убрали. Надо вернуть.

Уже закрыв заседание, он вдруг остановил присутствовавших и произнес в очень назидательном и резком тоне речь о «вакханалии награждений» разных лиц и учреждений. Велел строже и принципиальнее подходить к этому.

Между прочим, к вопросу о Суслове. Все ждали, что на XXV съезде «введут куда-нибудь» Бовина. Он опять в большом фаворе у Генерального (это я сам видел в Завидово), много сделал для текста Отчетного доклада. Депутат РСФСР и проч. Однако, не произошло. И, думаю, вопрос решился еще до съезда, в связи с заменой главного редактора «Известий». Москва полна была слухами, что котируется Бовин. Оказалось, это не только разговоры. Б.Н. мне сказал, что вопрос действительно возник. Но Суслов заявил: «Как можно! Это же непартийный человек!»

Мои многочисленные встречи с делегациями КП США, КП Канады, КП Ирландии, новорожденной Мальты, Австралии, Новой Зеландии более или менее на одно лицо. Главная проблема – французы. Они спрашивали – я разъяснял.

Кажется, сегодня уезжает последняя делегация. Уф! А между прочим, мы (Международный отдел) для них и из-за них только и существуем.

15 марта 76 г.

Проект документа для европейской конференции компартий, который Загладин и Жилин с немцами согласовали, в результате многочисленных поправок и редактуры приобрел вполне итальянский вид: на каждой странице о «равноправии», «независимости», «невмешательстве», «уважение самостоятельности» и суверенности, о «праве каждой партии идти своим путем»… и ни разу о «единстве действий» между КП, «о пролетарском интернационализме» - слова даже такого там нет, не говоря уж о «марксизме-ленинизме». Но

зато полно о сотрудничестве и единении с другими демократическими силами, социал-демократами и проч.

То есть незаметно-незаметно в обмен на наше упорное желание провести конференцию, мы получили коренное изменение самого ее характера, чего и добивались итальянцы вместе с югославами и др.

Сегодня прочитал беседу Венера (СДПГ)[2] с «нашим человеком в Бонне». Не понимает: франко-итальянская модель – единственно реальный путь прихода коммунистов к власти в Западной Европе, но XXV съезд ее недвусмысленно осудил, обрекая всех других (кто из-за верности Москве не пойдет за ИКП-ФКП) на дальнейшее прозябание. Между тем, Венеру, который понимает опасность упомянутой модели с точки зрения внутренней и порядка в соцлагере, тем не менее, кажется, что эта модель вполне бы могла устроить СССР с точки зрения международной. Просит разъяснить ему: нет ли какого тайного тактического соглашения между КПСС-ИКП-ФКП, не распределили ли они роли?

Думаю, отвечать не будут.

27 марта 76 г.

Вчера отпросился у Б.Н.'а догулять 8 дней, оставшиеся от отпуска. Немножко отосплюсь. Мне предложили, чтоб я уехал в Успенку, вставал рано, бегал несколько километров, потом на свежую голову сочинял доклад и речь для Гамбурга (12 апреля еду в Гамбург на торжества по случаю 90-летия Тельмана), потом занимался бы своими бумажками или серьезными книжками, потом опять бегал и засыпал, уткнувшись в очередную книгу. Может я так и сделаю. Но сейчас, хоть мне и надоела многолюдность вокруг, но одиночества не хочу. Боюсь, что не смогу сконцентрироваться в пустом доме и ничего путного не сделаю, а отдыхать просто так надоест за два дня. Не знаю, посмотрим.

22-го, в понедельник выступал на партсобрании всего аппарата ЦК в Большом Кремлевском дворце. Такой парад-алле устраивается редко, на моей памяти раза два-три было. Посвящено XXV съезду с докладом Капитонова, который изложил Отчетный доклад Брежнева.

От нашего Отдела должен был выступать Загладин (теперь кандидат в члены ЦК). Но он уехал в Бонн на съезд ГКП и пришлось мне: партком непременно хотел, чтоб в прениях выступали либо делегаты съезда, либо избранные в состав ЦК. Целую неделю я переживал: смерть, как не люблю публичности. Даже пустился на хитрость: сказал Пономареву, мол, если вы хотите высокого качества своей статьи, то «увольте» меня от выступления, а то, мол, вся моя нервная система устремлена туда.

Он: «Ну, как же, Анатолий Сергеевич, вы теперь политический деятель. А таковой должен выступать. Поручите кому-нибудь, например, Веберу – вам подготовят речь, хотите я вам помогу, чем смогу. Но первое выступление перед коммунистами аппарата – это очень важно. Это – и ваш личный престиж и престиж Отдела. Так уж вы, пожалуйста,…» Номер не прошел.

Готовился я не более часа. Тему выбрал: значение съезда для МКД – фактически в нынешних условиях это можно, мол, приравнять к международному Совещанию… и почему (6 пунктов).

И вторая тема: «отход» ФКП и КП Испании. Суть и как мы будем поступать в свете установок съезда.

Избрали меня в президиум. Сидел примерно на том мест, где на XIX съезде последний раз на публике сидел Сталин.

2.000 человек. Начались прения и начал нервничать. Однако, от выступления к выступлению меня стало брать зло. Казалось бы, это самая партийная из всех партийных

[2] Один из исторических вождей социал-демократии, когда-то, до войны, не чужд был Коминтерну, с Москвой не терял тайной связи всю свою жизнь, «духовный отец» Вилли Брандта.

первичных парторганизаций. И есть о чем всерьез поговорить в своем кругу – аппарата ЦК по итогам съезда, и о своих задачах, и заботах. Но это была сплошная показуха: 30 % каждого выступления – поклоны в адрес Генерального, 5-10 % - в адрес докладчика, который назывался полным титулом (сколько бы раз на него не ссылались) «Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Капитонов Иван Васильевич».Остальное – пересказ съездовских материалов или – о работе «подведомственных» министерств или институтов. Смирнов (Отдел пропаганды) вообще гнал какую-то баланду о тиражах доклада Брежнева и т.п. Зал на 15-ой минуте уже стал гудеть: т.е. начались обычные в этой ситуации разговоры между собой, а (сверху видно) многие просто уткнулись в книжки. В этой атмосфере я «наглел» с каждой секундой, хотел, чтоб меня поскорей объявили и я бы «в знак протеста» произнес бы совсем непохожую речь.

Правда, меня опередил Рахманин (первый зам. Отдела соцстран), от которого аудитория проснулась, потому что он заинтриговал «закулисной» стороной деятельности ЦК: как Ле Зуан за 10 лет 11 раз приезжал в Москву и как Брежнев и др. разъясняли ему, что и как надо делать. И это помогло победить не меньше, чем наши пушки и самолеты, так как научило вьетнамцев настоящей политике, сдержало от китайско-авантюристических замашек. И т.д.

Или – Кастро! Посмотрите, каким он был лет 10-12 назад и каким он предстал на своем I съезде и на нашем. Это – тоже результат нашей терпеливой, спокойной работы с ним, нашей глубоко продуманной политики в отношении Кубы.

Помимо демагогии, которая была во всем рахманинском выступлении, что-то в том, что он говорил, было и от правды. И это оценили: откровенность, дело, а не трёп и штампование заклинания. Зал проводил Рахманина бурными аплодисментами.

Меня объявили уже после подведения черты (прениям) – я был оставлен на закуску. Причем Козлов (секретарь парткома) объявил мою фамилию примерно так, как объявляют на концерте Муслима Магомаева или Лещенко. И по залу прошел шумок, оживление, когда Козлов сказал: «Приготовиться Черняеву!» Почему бы?

Видимо, какая-то телепатия существует. Сидел я в президиуме и испытывал странное чувство: мне казалось, что зал (по крайней мере большая его часть) ждет моего выступления и рассчитывает услышать что-то иное, чем от «других». Потом один товарищ (мой сосед по квартире) сказал: мол, в аппарате знают, что Черняев красиво выступает, поэтому его и оставили на конец, чтоб не кончилось общей спячкой.

Меня слушали в полной тишине. Значит, было интересно слушать. Большую часть я говорил, не заглядывая в текст. И говорил только дело. Конечно, там тоже были «изюминки» (позиция Марше, заявления Каррильо о нашем «примитивном социализме» и т.д., о чем в аппарате знают едва ли несколько десятков человек). Но, как мне говорили на другой день, там была «своя мысль» и аудитория восприняла это, как проявление уважения к ней. Не было штампов, не было поклонов. Брежнева я не называл полным титулом, а просто «товарищ Брежнев», Капитонова упомянул единожды в том смысле, что, мол, Иван Васильевич уже говорил об этом…

Когда я ушел с трибуны, провожаемый аплодисментами, у самого меня было ощущение, что что-то не совсем получилось. Может быть, еще в душе был смущен, что однажды оговорился и назвал XXV съезд XX-ым. Однако, по окончании, когда масса двинулась в гардероб, многие подходили и поздравляли. И на утро – один звонок за другим, на разные лады поздравляли, и большинство – не из подхалимства.

И особенно меня удивило, что позвонил Пономарев и сказал: «Кажется дебют (!) вполне удался!» Он явно был доволен, что «его Отдел» выглядел лучше других. Кто-то ему с самого утра доложил об этом. Думаю, он сам сразу же поинтересовался.

Почему я так долго об этом пишу? Из тщеславия, конечно. Но еще и потому, что из таких вот вещей (избрание в «высший партийный орган», предоставление слова на таком (!) собрании, к тому же удачное там выступление и т.п.) складываются реалии в судьбе человека, принадлежащего к «партийному свету».

Но из собрания я вынес и другое, «общественное» тревожное впечатление. Заранее можно было сказать, что залу понравятся такие выступления, как Рахманина и мое, а не начиненные штампованным нужняком и ложным примитивным пафосом речи, какими были все остальные. Можно также предположить, что (помимо совсем уж серых из числа выступавших) они тоже понимали, что такие их речи не могут понравиться. И тем не менее они предпочли говорить именно так, а не иначе. Очевидно, они исходят из того, что «так надо», «так принято», «нечего высовываться»…., так-то вернее, надежнее. В конце концов не от слушателей, которые в партере и на балконе, зависит «положение» и «авторитет» оратора. А от тех, которые «за его спиной» во время нахождения на трибуне. Отлично это понимает и сама аудитория. Больше того, 99 % из тех, кто был в зале, если б им дали слово, говорили бы не так, как я, а так, как Смирнов и др. Это печально и опасно.

Сегодня в «Правде» статья к 90-летию со дня рождения Кирова. Его там хвалят совсем не за те качества, которые характерны были для вышеупомянутых выступлений!

Казус Мидцева. Я выше писал, что он опубликовал брошюру, ни у кого не спросясь (есть правило: работник аппарата может публиковаться только с разрешения руководства Отдела). У нас он занимается Африкой. Но в Академии общественных наук при ЦК, которую он кончал лет 10 назад, специализировался на разоблачении ревизионизма. Вот и на этот раз он разоблачал вроде бы ревизионизм вообще, но любой французский, итальянский и т.п. коммунист узнаёт там себя без всякого труда. Более того, Мидцев прямо назвал Групп (члена ЦК итальянской компартии) ревизионистом за то-то и то-то. Еще до съезда корреспондент «Униты» в Москве, увидав эту брошюру, предупредил наших ребят, что «будет скандал». Только в связи с этим я впервые услышал об этой брошюре.

Сделал Мидцеву «втык». Он пошел трепаться по Отделу, намекая, что мол, понятно: ревизионисту не понравилось, что разоблачают ревизионизм «его духовных друзей».

Я говорил о случившемся Пономареву. Но тогда он, колеблясь между согласием с Мидцевым по существу и недовольством, что может «выйти история», сказал: посмотрим, если будет реакция на брошюру, тихо переведем Мидцева в какой-нибудь Институт. Загладин вдарил по Мидцеву на партсобрании Отдела: за «нарушение порядка» и, чтоб не повадно было другим.

А потом был съезд, была встреча Брежнев-Берлингуэр, было явное удовольствие, что Энрико не стал подражать Марше, не поддался на нажим с его стороны (а такой нажим был, теперь нам доподлинно известно – сообщил Коссута), поехал в Москву, хотя и в его Политбюро были противники этого, сделал весьма хвалебный и позитивный отчет о XXV съезде на Пленуме ЦК ИКП. И т.д.

И вот в прошлую пятницу (19.03) «Унита» разразилась разгромной редакционной статьей: «Как рассуждает философ Мидцев» Статья начинается с того, что 40.000 экземпляров и что автор – работник Международного Отдела ЦК. ИКП приняла (и правильно) критику в адрес Групп на свой счет. Вся буржуазная пресса уже шумит. Конечно, включились югославы. В общем, еще один предлог для большого шума по поводу раскола в МКД.

Я пришел к Б.Н.'у и рассказал о случившемся.

Он: А, может быть, он их правильно критикует?

Я: Если бы даже и так, дело-то ведь не в этом!

Он: А в чем?

Я: В том, что это противоречит установке доклада Брежнева на съезде.

Он: Гм!.. Но ведь они сами все время хотят открытой дискуссии…

Я: Они-то хотят. Но вопрос в том, хотим ли мы. Во всяком случае вопрос об открытой полемике с итальянцами должен был бы решать ЦК, а не тов. Мидцев. Вот сейчас они начнут нас лупить. А мы, мы готовы отвечать тем же, вести прямую полемику?

Однако, на другой день он проявил «инициативу». Велел опубликовать в «Правде» интервью Л. Лонго, которое он дал журналу «Проблемы мира и социализма». Жест в адрес итальянцев…

29 марта 76 г.

Вчера был на Дезькином (Давид Самойлов) вечере в ЦДЛ. Вначале выступала Либединская, которая всегда, в том числе и по телевизору, фигурирует в роли его комментатора. Говорила хорошо, - о поколении, из которого Дезька и она, и я… Не доставалось масла по карточкам, ели картошку без масла, ходили в чем попало… И не видели в этом ни героизма, и не считали себя несчастными, ни страдали…

И еще, что поразило и меня, и аудиторию, то, что все время будоражит меня и чему (вернее исчезновению этого) я не могу до конца найти объяснения. Она говорила: нас никого не интересовало, кто какой национальности, мы и не спрашивали, ни для кого это не имело никакого значения. Впервые мы обратили на это внимание, когда с нами за парты сели дети, у которых «пятерки» только по немецкому языку. Это были дети австрийских шуцбундовцев. Потом появились испанцы. И мы начали понимать: когда начинают интересоваться национальностью – это фашизм.

И – по контрасту: вечер в основном состоял из композиций Якова Смоленского. Стандарт высокий. Старался подражать дезькиной манере, интонациям. Местами техника взяла свое, я освободился от неприязненного чувства, и даже прослезился на «Анне Ярославне» (какой-то сокрушающей силой каждый раз звучит для меня этот стих). Неприятна (особенно поначалу) была эстрадная канонизация Дезьки, что так ему не подходит. Может, это от того, что я знаю, как Дезька сам подает свои стихи. И еще одно: в манере чтения проступало самодовольное и высокомерное еврейство, что абсолютно чуждо самому Дезьке (ни по мысли, ни по содержанию, ни по стилю жизни и поэзии – он «великий советский русский поэт», этот штамп, как нельзя более его характеризует). А Смоленский очень мне напомнил доцента Застенкера на кафедре Новой истории в бытность мою аспирантом, затем преподавателем МГУ.

Были Лялька и Галя – обе жены Дезьки. Он сострил: «Я был дважды женат и оба раза удачно». Лялька по-прежнему хороша в свои 50. А новая как есть выдра, «Марфа Посадница».

После Якова Смоленского выступил Борис Слуцкий. Я его увидел на лестнице во время перерыва. Говорит: Придется и мне отдуваться. Заставили сказать о Дезьке. Я, говорит, ему предложил: включу пару критических замечаний о тебе. А он: «Ни в коем случае». Придется воздержаться.

Говорил, каким Дезька был, когда они познакомились в 1938 году, т.е. в то самое «наше» время. Дезька ушел из школы (от нас) и пришел в ИФЛИ – к ним.

Сам Дезька выступал неудачно. Читал вещи, которые не для большой аудитории, а для десятка своих. И хоть в зале были главным образом его почитатели, тем не менее, очевидно, существуют «законы массы», которые никогда нельзя нарушать.

Но он ничуть не смутился… Судя по тому, каким он был внизу, у гардероба, когда прощались и Лялька сообщила: Я, говорит, уже ему сказала, что читал он плохо.

22 апреля 76 г.

Сегодня день Ленина. Послушал по радио доклад Андропова. Обычные вещи, но с размахом. Наш Б.Н. на это не способен, потому что всю жизнь оглядывался и никогда не понимал, что без риска, без необходимой смелости выше среднего не поднимешься. Многие, должно быть, сидят, слушают и думают про себя: « Почему бы и не очередной Генсек?»

С 12-го по 16-ое был в Гамбурге на 90-летии Тельмана.

100 километров по прекрасному автобану. По сторонам равнина, напоминающая нашу. С перелесками и фермами.

В Киле сразу в обком Шлезвиг-Голштейна. Обкомовские деятели – молодые веселые ребята. Смотрят доброжелательно, но немножко иронически.

Прогулка по городу. Кильский канал. База олимпийских яхтгонок. Богадельня (дай Бог) нам такую в качестве смотровой площадки на док.

В 3 часа встреча с секретарями райкомов в «клубе». Ребята (человек 15) – прямо с работы. Я держался просто. Опоздавшие запросто подходили, совали руку, перекидываясь в то же время репликами с коллегами и садились куда попало. Разговор сначала не клеился, а потом Рыкин (зав. германским сектором в нашем Отделе) спровоцировал прямо-таки атаку. Спросил: как ваши рабочие (беспартийные) восприняли XXV съезд?

Наперебой они стали говорить с оттенком агрессивности, непонятной сначала обиды, с вызовом. Получилось, в общем, что они никак не восприняли наш съезд. Он им – до лампочки.

После «хитроумных» моих вопросов, выяснилось, что не так все просто. Каждый начинал с того, что рабочий ничем не интересуется, кроме своей зарплаты, а читает он шпрингеровские газеты, которые представили XXV съезд, как заурядное событие, никого не касающееся.

Разрядка? Ну, что ж! Рабочие за разрядку. Но они не видят здесь заслуги Советского Союза. Одни считают, что войны все равно бы не было. Если этому помогла разрядка, - пусть, очень хорошо, чего ж теперь-то об этом заботиться?! Другие думают, что разрядка нужна СССР, чтоб получить от Запада технологию и пшеницу. А потом он вновь возьмется за свое! Зачем, например, СССР строит такой мощный военный флот? Почему бы ему не разоружиться, если он за разрядку?

К тому же – демократия! Вообще-то рабочие говорят, что им все равно – все, мол, одинаковы, когда у власти: коммунисты, фашисты, социал-демократы, христианские демократы, свободные демократы. Но мы, мол, предпочитаем, когда можно говорить что вздумается.

Я отпарировал – а почему они думают, что у нас рабочий не может говорить, что думает? Сахаров ведь не рабочий. И то, что он хочет говорить – рабочему не нужно, он презирает сахаровский треп, рабочий, как и у вас, реалист… Ребята молчат. Им как-то не приходило в голову провести разницу между рабочим и Сахаровым.

Я их спрашиваю: а вы-то в дискуссиях со своими «коллегами» (так они называют беспартийных рабочих, с которыми рядом в цеху) чувствуете себя достаточно вооруженными, аргументов у вас хватает?

Молчат. Потом один говорит: да что там! Аргументов, которые у нас есть, и тех не хотят выслушать до конца. Если, говорят, там (!) так хорошо, чего ж ты, мол, не едешь в «свою» ГДР?! Добиться, чтоб они читали «Унзере цайт» (газета компартии) очень не просто. Один рассказывает: я выписываю экземпляра два «Унзере цайт», один оставляю вечером на рабочем месте соседа. Он приходит утром и выбрасывает газету. И не потому, что это «Унзере цайт», а потому, что это явно не спортивная, не бульварная, не сексуальная газета. И ему некогда ею заниматься. Или сохранит до вечера, чтоб завернуть в нее что-нибудь.

Другой: я, говорит, придумал такой трюк, - оставляю номер в уборной. Там «от нечего делать», глядишь, кто-нибудь и посмотрит. И, знаете, - получилось. Через две недели стали подходить и спрашивать, нет ли у меня «твоей Унзере цайт»?

Брошюры АПН?.. Да это же невозможно читать. Это просто не по-немецки написано… Мертвым языком. И непонятно про что. Одно только можно ясно видеть: в Советском Союзе все лучше, чем где бы то ни было. А рабочий хочет конкретных фактов. Если же факты приводят, то получается – в том, что рабочего интересует, – совсем у вас не лучше.

Советские заказы – это да! Вот, когда приходят на ремонт в доки ваши суда, тут у нас, коммунистов, праздник. Никто не может рта раскрыть – ведь это работа! Но и на это рабочие смотрят только с этой, и никакой другой, позиции.

Один парень из присутствующих был в Советском Союзе (с поездом дружбы). Говорит, что он поэтому в выгодной позиции: когда меня начинают прижимать антисоветскими фактами, я говорю: ты откуда эти «факты» взял? Из «Die Welt»? А я там был. Сам все видел. И все твои «факты» – брехня. Хотя (добавляет, смущенно улыбаясь) совсем не все «факты» неправда… к сожалению. Но я, разумеется, об этом молчу.

Понравились мне эти ребята. У них от пребывания в партии - никакой корысти. «Чистая идея». И сколько сил, сколько работы мысли и времени (при всех соблазнах вокруг) они должны тратить, чтобы каждодневно, в обстановке подозрительности, насмешек, а то и прямой враждебности, держаться за свое, убеждать, спорить, настаивать.

И их человеческие качества не остаются незамеченными. Нас, говорят, охотно избирают в производственные советы, делегатами для переговоров с администрацией, на профдолжности. Но, когда речь заходит о муниципальных выборах, т.е. когда рабочим приходится делать выбор «с учетом политики», они редко отдают голоса коммунистам (тем же самым). А уж о парламентских выборах и говорить нечего, тут коммуниста никто не предпочтет. Тут он уже не данный конкретный Ганс или Гельмут, хороший парень и верный друг. Тут – за его спиной маячит «Москва».

В грустном настроении я уходил с этой беседы.

24 апреля 76 г.

В Гамбурге был обед на «рыбной набережной». У нас обед со знатными гостями обычно обставляется, как нечто из ряда вон, как «событие». У них обед есть обед. На этот раз я, например, сидел за столом с шоферами, так как мы чуть опоздали и все остальные места уже были заняты.

А за день до этого отправились в порт, где уже собрались Герберт Мис (председатель партии), Готье (зам. председателя), секретари ЦК Карл-Гейнц Шрёдер, Вилли Гернс и др. Погрузились на баркас и поплыли вдоль доков и причалов, приветствуя, между прочим, советские корабли: матросы сверху подозрительно отмахивали в ответ, - что это, мол, за пьяная компашка?! И в самом деле: только влезли – начался пивной и водочный шум, причем заводилой выступал Мис. Выволокли корзину с тельмановками (фуражками) – примерка, обмены, фотографирование.

Я подошел к Шредеру (один из секретарей ЦК ГПК). Говорю: «Карл-Хайнц, через три часа мне выступать, посмотри мой текст, вычеркни все, что не годится, да и по объему он больше, чем предусмотрено, сократи, как считаешь нужным». Вместе с Гернсом, другим членом руководства ГКП, и Рыкиным они уединились в дальнем углу палубы и под гвалт остальных углубились в чтение. Прошло минут 50. Рыкин подходит ко мне. Они, говорит, в смятении. Не знают, что убирать. Впечатление колоссальное. От КПСС они не ожидали такого «неказенного» текста. Потом, смотрю, оба подскочили к Мису, что-то наперебой возбужденно говорят. Подошли ко мне: всякие слова и восторги, хлопают по спине. Договорились, говорят, чтоб тебе не 15, а 25 минут дать - жалко выбрасывать хоть строчку, а опубликуем полностью.

Главное мероприятие проходило в «Народном доме». Народу было полно, в основном молодежь. Милые, с умными красивыми лицами мальчишки и девчонки, очень непосредственные и заинтересованные, некоторые сидели прямо на полу между сценой и первыми рядами.

Зал, рассчитанный человек на 500, был забит до отказа, в проходах и по стенам стояли люди. Ян Веннике, гамбургский секретарь обкома, открыл собрание. Я сидел в президиуме рядом с Мисом, тут же - представитель СЕПГ, от ФКП директор Института Тореза Бюрль,

секретарь компартии Дании Христиансен и другие. При объявлении иностранных гостей зал бурно приветствует КПСС, так себе СЕПГ, французов - нормально, датчанина - тепло.

Доклад Миса. Очень громкий, полемический в отношении своих социал-демократов, разъясняет задачи только что прошедшего в Бонне съезда ГКП.

Мне дали слово после перерыва. Я сказал несколько слов приветствия по-русски. Рядом со мной на трибуне стоял Герман Гюнтер, партийный секретарь одного из гамбургских районов. Он хороший оратор и его назначили произнести мой текст по-немецки. Перед этим с немецкой основательностью он изучил его, даже потренировался наедине вслух - со всеми моими акцентами. И начал громко и наступательно произносить написанное мной: о потрясении 1941 года, о разочаровании в немцах, которых после революции считали самыми близкими нам, о Тельмане и ГКП - без которых трудно было бы залечить прошлое, о великом немецком народе, о благородстве и силе духа немецкого рабочего движения - качествах, кристаллизовавшихся в личности Тельмана...

Стояла напряженная тишина, изредка прорывавшаяся порывами аплодисментов. Когда речь пошла о современных делах, о новом и старом интернационализме, о том, что КПСС не нужна никакая гегемония и проч., аудитория точно и живо реагировала на каждый такой пассаж. Я поразился, как хорошо улавливался подтекст. А когда под конец - о могиле советского солдата Маслова, который погиб, рванувшись на штурм тюрьмы в Бауцене, где, считалось, еще находится живой Тельман, все повскакивали с мест. Долго не могли успокоиться и утихнуть, чтобы дать мне закончить.

Я возвращался с трибуны «в триумфе одобрений». Потом многие подбегали, что-то говорили. Эрика - одна из редакторов «Унзере цайт», очень милая, вся светящаяся умом и добротой, по виду - типичная «западная» журналистка - и в этот вечер, и на другой день не раз «разъясняла» мне, почему я произвел такое впечатление: сочетание мыслей с внутренним волнением, искренностью чувств, серьезное отношение и доверие к германским коммунистам, к немецкому народу, уважение к способности аудитории понимать непростые вещи, решительное, «вызывающее» (как она сказала) нежелание говорить банальности, которые у всех навязли на зубах.

Мис был доволен, но сдержан в похвалах. Мне показалось, он не очень уверен, что я отражаю «официальные» мысли и чувства. У него на памяти, очевидно, было, как его «принимали» в Москве во время XXV съезда КПСС и как вела себя делегация секретаря ЦК КПСС Долгих и Загладина на съезде ГКП. Рыкин мне передавал «на ушко» впечатления делегатов того съезда: официальные клише, набившие оскомину банальности, надутость и ортодоксальность при личном общении...

Настораживал Миса и контраст между моим выступлением и речью представителя СЕПГ, на содержании у которой ГКП была и зависела от нее политически. Моя Валькорда [3], сидевшая рядом, не знала, что и как мне переводить из речи, в которой через слово упоминался «товарищ Хонеккер», а еще «заветы Тельмана в ГДР», «развитый социализм», троекратно - что «критерием интернационализма является верность КПСС...» Потом мне передавали, что аудитория обратила внимание на то, что во всех этих трех случаях единственный в зале, кто не хлопал, был я.

После меня выступал француз. Когда он говорил о прошлом братстве (Торез-Тельман), все шло на подъеме, а когда заговорил о социализме, окрашенном в цвета Франции, люди насторожились, притихли и проводили оратора очень кисло. И опять я поразился их «осведомленности» на счет еврокоммунизма.

Вечером, на банкете в доме Тельмана меня наперебой поздравляли - и немцы (кроме представителей СЕПГ), и наши корреспонденты, и работники консульства. Там же произошла стычка между Мисом и Бюрлем. Я сидел рядом, помалкивал. И тот, и другой в перепалке то и дело оглядывались – «на КПСС». Француз стал было хвалить доклад Миса за то, что там

[3] Жена Шредера, она училась в ГДР, знала русский и была «приставлена» ко мне переводчицей.

сильно подчеркнут «национальный момент» - особые условия страны и поэтому специфика действий и политики. Мис его прервал: «Я понимаю, куда ты клонишь. Но вы от нас не дождетесь, чтоб мы последовали за вами в еврокоммунизм. И вообще вы себя ведете высокомерно, не по-товарищески. Когда мы были на вашем съезде, вы нам слова не дали, загнали на митинг, где было несколько десятков человек. Но все равно мы ни слова не сказали, что мы думаем о ваших «новых идеях». Вы же приезжаете к нам и говорите, что хотите. И сегодня ты полностью изложил вашу программу. А я, готовясь к докладу, снял (хотя было искушение оставить) малейшие намеки на несогласие с вами. Но вечно мы молчать не будем. Знайте: вы думаете, что вы большие, а мы маленькие. И с нами можно так... Однако при Тельмане мы были самыми большими. Это значит, что можно и у нас стать большим. И, пожалуйста, без панибратства. Мы еще скажем свое слово».

На другой день была манифестация - колонны (тысяч десять) шли перед домом Тельмана. Мис стоял на балконе его квартиры. Я - рядом. Многие из демонстрантов узнавали меня, приветствовали. На митинге после манифестации выступал уже не Мис, а Готье (зам. председателя партии). Трижды в своей горлопанной речи он выкрикивал клятву верности Советскому Союзу. Первый раз ему ответили бурными аплодисментами и криками «хох!» с поднятием кулака к виску (тельмановский жест). Второй раз - жидко похлопали. В третий - уже раздались свистки...

Вечером к нам с Рыкиным в гостиницу пришел Карл-Хайнц Шредер. Пили нашу водку. Он разошелся, стал крыть последними словами Готье: «Если бы он не был идиотом, его вполне можно было бы счесть за провокатора». Долго говорили «по душам». Он то и дело останавливался, обнимал меня за плечи и провозглашал: «Anatol! Rede!» (то есть моя речь). Опускал голову, качал ею по-пьяному из стороны в сторону, будто не находя слов. «Это что надо! Это по-настоящему! Это на десятилетия. Мы никогда не забудем. В программу партучебы включим. Ты нас понял. Ты понял, каково должно быть отношение КПСС к нам». Нес СЕПГ, Хонеккера... И опять и опять рефреном: «Anatol! Rede!»

<u>25 апреля 76 г.</u>

Вчера утром пошел в молочную и булочную. Народу!.. Ворчание-симфония случайной толпы: мол, вот, нет порядка, не могут организовать дело, две бабы на столько народа и не торгуют, а ящики перетаскивают, да коробки вскрывают… Выходной день, а тут стой в очереди… и продуктов никаких нет… о твороге уж забыли, как он пахнет и т.д. и т.п. И вдруг над всеми грубый голос мужика лет 40.

- А что вы хотите! У нас система такая. Эти бабы (продавщицы) не виноваты. Виноваты те, кто за зеленым забором икру жрут. У них там и творог есть. А у нас в стране хозяина нет. Хозяин только и делает, что о светлом будущем коммунизма выступает, а с каждым годом все хуже и хуже. Так и будет, пока хозяина настоящего нет. И т.д.

Никто не удивился, не возмутился. Это, видимо, привычное дело – такие речи в магазинах. Толпа в основном поддакивала и благожелательно комментировала, в том числе молодой милиционер, стоявший в очереди за молоком. А, я извиняюсь, член ревизионной комиссии КПСС стоял и удивленно помалкивал. Да и что он мог сказать, когда у всех остальных «факты на прилавках».

В булочной бабы передрались из-за куличей, а когда в проеме полок раздался голос: «Больше нет, все! И не будет!», поднялся такой гвалт, что я готов был опрометью выскочить за дверь.

28 апреля 76 г.

Только что кончилось партсобрание Отдела с докладом Б.Н. Большая редкость. О наших задачах после XXV съезда. Пересказал наш проект записки в ЦК – о положении в МКД, который я сегодня закончил. И еще один текст, который ему для этой цели был составлен Козловым (усушенный вариант его собственной лекции об МКД). Скучно, бесперспективно, бюрократическая реакция на события, которые, может быть, действительно выходят на исторический поворот.

О делегации КПСС в Англию к лейбористам. Еще до съезда, после еще одного напоминания генсека лейбористов Хейворда послу, мы обещали (в который раз) приехать в мае. Хейворд затвердил это на исполкоме. А потом стал бомбардировать Лунькова требованиями: дайте состав и уровень делегации, мне надо организовать программу, встречи с премьером, с видными лейбористами. Хотя бы за месяц до приезда, который был условлен на 17-18 мая. Я давил на Б.Н.'а, он – на Суслова. Тот тянул (как все эти два года), отмахивался, откладывал. Б.Н. делился со мной недоумениями: Почему? То ли сам хочет ехать, то ли у него какие-то идеологические соображения? Сегодня Брутенц высказал предположение – скорее всего не хотел, чтоб ехал Б.Н. В прошлом году он ездил в США во главе делегации Верховного Совета. Теперь – в Англию, с которой мы начинаем серьезную игру… В конце концов Б.Н. таки уломал Суслова, тот разрешил представить «предложения» в ЦК и сегодня сам подписал нашу записку. Но Хейворд еще неделю назад предупредил Лунькова: если до 26 апреля не будет ответа, визит придется отменять. 27-го – заседание исполкома лейбористов, на котором будет обсуждаться вопрос о визите. Вчера Лунькову позвонили и сказали, что ИК лейбористов отложил визит делегации КПСС на неопределенное время, по причине отсутствия ответа из Москвы. А сегодня мы узнали, что Хейворд дал интервью газетам, в котором объяснил все публично, возложив вину за срыв на КПСС. Окольно посол узнал, что на ИК была острая дискуссия, говорилось об «оскорблении», о том, что три года прошло, что «мы (т.е. LP) направляли в Москву весь свой теневой кабинет», а они… и т.д. А «левые» в ИК (Хоффер) вообще заявили: зачем нам общаться с КПСС? Лучше с ФКП или ИКП, которые идут навстречу «демократическому социализму».

Так вот и получается. Составляем всякие проекты воздействия на социал-демократов, на Социнтернационал, предлагаем разные идеи, которые произносятся даже с трибуны съезда – о контактах с социал-демократией и проч. Пишем в «Правде» реплики и статьи. А потом одним махом – все насмарку. И почему бы? Да – по старческой импотентности, из-за политического склероза, который естественен у человека далеко за 70.

Посмотрел я вчера на «все это». Был на заседании Секретариата ЦК. Боже мой! О какой серьезной политической деятельности может идти речь?! Главный вопрос, который обсуждался – о перестройке системы партпросвета. Медведев (зам. зав. Отдела пропаганды) держал речь. Из вопросов, которые ему стали задавать, стало видно, во-первых, что секретари ЦК и Суслов в первую очередь, не очень отчетливо представляют себе, какова сейчас система партийного просвещения. «Главные идеи» перестройки, как я понял, состояли в том, чтобы институты марксизма-ленинизма перевести в подчинение обкомов (от горкомов) и создать в Москве Центральный дом политпросвета. Кириленко в своей обычной грубоватой манере заявил (а потом упорно стоял на своем), что все это – лишняя трата денег и сил. Почему бы не доверить все дело ЦК национальных компартий. И в самом деле – с точки зрения здравого смысла – вся эта перестройка не более, как «бюрократический восторг», прикрываемый важностью переживаемого этапа и т.п. громкостями.

Самым любопытным на этом заседании был такой эпизод. Присутствующие были озадачены и удивлены, как повел себя новоиспеченный секретарь ЦК – Зимянин (под руководством которого и готовился весь этот проект в Отделе пропаганды). Страстно и с нажимом – по официальной логике, что марксизм-ленинизм у нас один и нельзя допустить, чтоб в Ташкенте его трактовали так, а в Ереване эдак – он отстаивал проект. А когда

Кириленко стал его прерывать, апеллируя к здравому смыслу и экономии средств, тот его прервал в свою очередь: «Извините, Андрей Павлович! Я позволю себе досказать, что хочу!» Тот умолк… Образовалась неловкость. До сих пор никто не позволял себе задирать хвост на всемогущего А.П.

Это что-то новое. Присутствующие дошлые аппаратчики переглядывались, не понимая, что происходит.

Заключая, Суслов «спасал лицо А.П.», но фактически поддержал Зимянина.

5 мая 76 г.

Отсутствие Пономарева (он на редкомиссии в Берлине по подготовке европейской конференции компартий) принципиально меняет весь ход рабочего дня: остается время вдумываться в информацию и вообще размышлять, а не щелкать, как семечки все эти шифровки, радиоперехваты, ТАСС, докладные КГБ, институтов, реферативные и просто журналы.

В связи с назначением на 20-21 июня парламентских выборов в Италии резко ускорился процесс кристаллизации «немосковского» коммунизма. На глазах, в открытую – интервью, статьях, заявлениях – отвергаются, размываются, наполняются иным содержанием все основные понятия: «самостоятельность», «равноправие», баланс больших и малых партий, отказ от центра и ведущей роли компартии, развитие марксизма на основе собственного опыта, учет национальной специфики, союз с другими партиями и движениями, сотрудничество с социал-демократами, демократия, этапы и условия прогресса социализма и т.д. и т.п. – т.е. все то, что мы столько лет уже признаем на словах, становится реальностью, политикой у итальянцев, испанцев, французов, англичан, бельгийцев, шведов, не говоря уж о румынах и югославах.

А для того, чтоб им поверили, признали их национальной партией, они отмежевываются от нас. И им приходится это делать все чаще, резче, грубее, бескомпромисснее и необратимее, поскольку задуманная в штабах антисоветизма и проведенная с помощью Солженицына, Сахарова и К^{о} кампания по дискредитации Советского Союза и советского социализма удалась. Нашему престижу в глазах самой широкой мировой общественности нанесен удар огромной силы, с длительными и почти не восстановимыми последствиями. Мы проиграли это крупнейшее идеологическое сражение XX века. И результатом будет вот что: тот социализм, который по теории Маркса-Ленина вырастет, наконец, на базе высокоразвитого капитализма и появление которого мы сделали практически возможным ценой жертв, страданий, потерь и проч., этот социализм возникнет как антитеза нам, как сила, если и не враждебная (подобно китайцам), то во всяком случае – чуждая. И мы в конце концов придем к той модели общества, которую создадут французы и итальянцы (т.е. они, как говорил Ленин, «сделают лучше нас»). И то, что мы так долго не можем расстаться со сталинским наследием, останется в истории, как ошибка и будет осуждено. Лишь немногие экстравагантные историки лет через 50-100 будут отстаивать неизбежность того, что было у нас между XX и XXX (если таковой состоится!) съездами партии, доказывать, что сталинизм (в ослабленной форме) был еще необходим для обеспечения такого соотношения мировых сил, без которого итальянцам и французам никакого своего социализма не видать бы...

Дай лишь Бог, чтобы мы не усугубили то, что история запишет нам, как ошибку, своей враждебностью, своим идеологическим осуждением итальянской и французской «модели» социализма, когда она станет реальностью.

А вполне вероятно – ибо по идейно-политическому содержанию итальянский и французский социализм – то же самое, что чехословацкий 1968 года. Впрочем, наше отношение к последнему диктовалось цинично-прагматическими соображениями: заботой о том самом соотношении сил. На этот раз тоже прагматические соображения могут породить иную нашу реакцию.

8 мая 76 г.

Преддверие праздника.(День Победы). Опять, как всегда в этот день, раздираюсь дилеммой: надевать планку или ввинтить только орден Отечественной войны. Хочется почему-то второго. И опять недобрым словом вспоминаю командира корпуса, который под конец войны отказал мне в ордене Красного Знамени, заявив – не вы же (т.е. не ваш полк) наступали! Вы только исходную готовили. Кстати, тем, кто нас сменил 5 мая 1945 года, тоже не пришлось наступать, - война кончилась. А мы на этом еженощном копании траншей для них в 30-100 метрах под носом у немцев потеряли еще десятки людей и рисковали собой буквально за считанные дни до конца войны. Ну, да ладно.

Вечером смотрел очередную серию телефильма по Василю Быкову «Долгие дороги войны». Очень у него всегда натурально, без дураков и честно – про войну. Опять разволновался. И опять странное чувство тоски по чем-то безвозвратно ушедшем (?!) и утраченном.

9 мая 76 г.

День Победы. Уже меньше шума, чем в прошлом году. Но… Брежневу дали маршала и в Днепродзержинске открыли «бюст» (как выразился Щербицкий). Вся программа «Время» по телевидению была посвящена этому событию.

Объяснений может быть много. Но – если искренне – я лично ничего понять не могу. Неужели «там» (как говорит человек с улицы) не понимают, что подобные мероприятия на 95 % имеют прямо воздействие обратное тому, что задумано!

Ходил с другом Колькой Варламовым (командиром пульвзвода из бригады морской пехоты – 1942 г.) по улицам Москвы. Говорили о войне и повседневных пустяках. Пил водку. Вернулся домой. По телевизору – минута молчания. Стало почему-то очень грустно…

12 мая 76 г.

Вчера с Б.Н.'ом обсуждали проспект речи Брежнева на европейской конференции компартий. Обычные Б.Н.'овы штучки: «монбланы оружия», несмотря на разрядку, коммунисты должны прямо сказать, почему так. Пора переходить «от слов к делу»… И как перед съездом ему опять не приходит в голову, что Брежнев не может объявить на весь мир, что до сих пор он не дело мира делал, а занимался трепом о мире. Неверно это и по существу. Перелом колоссальный. Психологический перелом превратился в «материальную силу».

Но у меня еще пономаревский доклад перед загранпропагандистами не закончен («XXV съезд и мировой революционный процесс»). 75 страниц получается. Между прочим, при подготовке таких материалов выявляется, кто почем в секторах. В данном случае с блеском продемонстрировал свое убожество сектор Ближнего Востока.

16 мая 76 г.

Был на выставке на Кузнецком: там рядом два зала. В большом – художники-ветераны войны. Явно скучно. Хотел было уйти, но оглянувшись на малый зал, увидел какого-то А.А. Лабаса. Я впервые слышал эту фамилию. Нехотя забрел. Потом появился и сам художник рождения 1900 года и его жена, портреты которой имеются на выставке. Для меня это было открытие. То, что я видел в свое время в запасниках русского музея. Советский экспрессионизм высокого класса. 20-ые годы. С какой точностью и художественной силой схвачен дух эпохи. Серия графики об «Октябре». Две картины 1928 года – «Красноармеец на

Дальнем Востоке» и «Утро после боя в городе» - это просто ошеломляет. Или … 1932 год, картина, которая и по манере и по сюжету даже предвосхищает «Гернику».

И еще: города будущего (графика) – это то, что только в последние годы стали «открывать» западные футурологи. Московское метро – как символ.

А этот Лабас участвовал в каких-то выставках, штук десять его работ приобретены ведущими музеями страны. Остальные у него дома. И это – за почти 60-летнюю творческую работу – первая «персональная выставка». И никто из широкой публики его не знает. А не посвященные в изломанную историю нашего искусства и вообще ничего не поймут и, равнодушно пройдя по залам, тут же забудут.

А на работе состоялся выезд в Серебряный бор – подготовка речи Генерального на конференции компартий Европы. Политбюро обсудило итоги берлинской редкомиссии (даже в печати дали). Брежнев реагировал на отчет так: если я не поеду, меня не поймут! Андропов - по поводу оставшихся неурегулированными проблем (упоминание пролетарского интернационализма, Советского Союза в качестве главной силы разрядки и главного объекта антикоммунизма) сказал: подумаешь! Кто там будет все это выискивать, какое значение эти слова будут иметь через неделю после конференции! Из-за этого не стоит заводиться. Не в этом дело.

20 мая 76 г.

Сегодня мне рассказали такую историю. Брежнев позавчера выступал на совещании партработников областей, республик районов и проч. Об этом было в «Правде». Но текста не было. Можно было понять и оказалось на самом деле, что это совещание представителей орготделов. Раньше они назывались «особый сектор» при парткомитетах разных уровней.

Рассказывали наперебой азербайджанец и армянин – участники совещания – в совершенно ошеломленном состоянии, не зная удивляться, издеваться, возмущаться или что-нибудь еще…

Собрали, говорят, нас, но народу оказалось мало, зал полупустой. Наверно, потому, что заранее не предупредили и ребята разбежались по магазинам. А не предупредили- сам знаешь почему… Вошел он сзади, пошел по проходу, через зал. Все, конечно, вскочили и хлопают, крики… Понятно. Поднялся в президиум и заговорил. Примерно так:

Вот Костя (это секретарь ЦК, зав. Общим отделом Черненко!) заставляешь меня выступать перед вами. А чего говорить – не знаю. Вроде мы с вами встречались два года назад (Черненко вскакивает: «Два года и 31 день, Леонид Ильич!»). Ну, вот… Память-то, видите, у меня какая! Да… Мы вам тогда слово дали? Дали. И сдержали. Тогда вы были зав. секторами, а теперь зав. Отделами. И зарплата другая, и положение другое. Правду говорю?! (Бурные аплодисменты).

Ну, вы знаете, съезд мы провели недавно. Большое событие. Будем теперь выполнять. Что вам сказать? Я без шпаргалок (показывает карманы). Говорят, итальянцы, французы болтают про нашу демократию. Не нравится она им. Ну и пусть. Мы пойдем своим путем! (Делает жест, как на ленинских памятниках). Американцы дурят. Просыпаюсь тут утром. Делать ничего не хочется (потягивается)… Приносят шифровку. Мол, Форд просит отложить подписание договора о ядерных взрывах (в мирных целях). Ах, ты думаю… Кладу резолюцию Александрову: «Отложить, но пусть он теперь меня как следует попросит еще раз – подписывать».

На днях, вы знаете, большое событие было. Поставили мне бюст. А Политбюро вынесло постановление присвоить мне, как Генеральному секретарю и председателю Совета Обороны звание маршала Советского Союза. Это важно. (И шутит…) Вы, конечно, отметили это событие в своих выступлениях на совещании. (Черненко вскакивает: «Да, конечно, Леонид Ильич, все об этом говорили с большим подъемом…»).

Костя меня уговаривал придти сюда в маршальском мундире… (Черненко: «Да, да, Леонид Ильич, все очень хотели видеть Вас в мундире. Но раз уж Вы… Мы тут…» И поднимает из-за стола президиума портрет Брежнева при полных регалиях. Держит обеими руками перед собой. Овация).

Черненко ставит на стол портрет, выглядывает из-за него и кричит в зал: «Леонид Митрофанович, давай…» Из второго ряда поднимается Замятин (директор ТАСС) и несет в президиум еще один портрет, тоже в маршальском одеянии, но в красках (первый был – увеличенная фотография)… Два высоко поднятых портрета… Овация!

«Ну, что вам еще сказать, - продолжает Брежнев. - Событий много. Пусть шумят, кому мы не нравимся. А мы пойдем своим путем! (и опять ленинский жест).

На днях Б.Н. попросил почитать шифровку из Пекина. Австралийский посол Фицджеральд рассказывал нашему послу Толстикову о приеме у Мао новозеландского премьера Малдуна. Кормчего ввели под руки. Подвели Малдуна. Мао протянул руку, а смотрит в сторону (у него потеря координации). Китайские церемонии – рассаживание. Малдун, чтоб подыграть, начинает разговор почти цитатой: «В Поднебесной происходят большие волнения. Народы мира поднимаются на борьбу за независимость. И они непременно победят!»

Мао помолчал, потом сказал: «Нет!»

Малдун: «Конечно, если у них будут настоящие вожди!»

Мао: «Нет!»

Малдун не унимался: «И если они объединяться»

Мао: «Есть еще Советский Союз».

На этом аудиенция закончилась, так как кормчий утомился и его повели. Философский диспут продолжался 10 минут.

22 мая 76 г.

Любопытные «превращения» можно наблюдать, заготавливая «принципиальные» доклады для Б.Н. Сейчас эта работа на финише. 26-го он выступает. И дважды, уже по заготовкам, «выправлял» нас. Главная проблема, как отнестись к отказу ФКП от «диктатуры пролетариата». Писали, конечно, в расчете на то, что все равно назовет это (в закрытом докладе – можно) ревизионизмом. И поэтому, создавая осуждающую тональность, старались не доводить дело до ярлыка, до брани.

И вытаращили глаза, когда Б.Н. начал нас упрекать в нелогичности. Ведь никто не поймет, к чему мы зовем. Я же выступаю перед пропагандистами, им нужны практические советы. А что у вас получается? С одной стороны, вы сообщаете, что еще в 1968 году при подготовке проекта Документа к международному Совещанию 1969 года КПСС согласилась с доводами о нецелесообразности включать в Документ этот термин, а теперь осуждаем ФКП за то, что она поступает так же, как поступили за последние 10 лет десятки самых ортодоксальных братских партий (которые не пользуются теперь термином «диктатура пролетариата»). Давайте уж будем последовательными. И вообще, товарищи, Коминтерна сейчас нет и мы не можем вмешиваться во внутреннюю политику других партий. И если обсуждать что-то из этой сферы, то только в «теоретическом» (т.е. в анонимном) плане, в «проблемных» статьях. Мы же ведь нигде не критиковали ФКП именно за отказ от «диктатуры пролетариата».

Я: Да, Борис Николаевич, сами мы не критиковали. Но мы поместили в «Правде» в одобрительном духе статьи из «Neues Deutchland», из чешских и болгарских газет. И все поняли - зачем мы это сделали, - в том числе «Юманите».

Б.Н.: Ну, и неправильно сделали. Я, например, не согласен со статьей в «Нейес Дейтчлянд» (!!)…

В ответ я сделал жест – остается развести руками.

Другое дело, - продолжал Б.Н., - когда они ругают нашу партию, нашу демократию и т.д. Это вмешательство в наши дела. И тут надо давать отпор.

И еще один эпизод. Я подписал на рассылку секретарям ЦК сигнал очередного бюллетеня Международного отдела (внутрипартийная информация для актива тиражом в 25 тысяч). Там статья о XXII съезде ФКП. Подписывал я, так как Загладин был «на даче». Мне бросилось в глаза резкость оценок, в том числе персональных – в адрес Марше. И вообще весь дух – как будто сейчас не 1976 год, а, скажем, 1951-ый.

Позвонил Загладину. Он немного, мне показалось, «засмущался», но потом стал убеждать меня, что так и нужно: «активу, мол, надо знать правду». Я разослал. Но кошки скребли. И, рискуя получить по шее, позвонил Помелову, помощнику Кириленко (он возглавлял делегацию на съезд ФКП), предупредил: мол, резковато, обрати внимание своего шефа. А потом – хотя это был ход против Загладина – сказал Пономареву. Тот взвился: «На кой черт эта информация для бездельников! Какое они к этому отношение имеют?! Мы что – хотим рвать что ли? А если нет, зачем нам такие вещи? Мы сковываем себя, самих себя загоняем в тупик, идеологически закрепляем разногласия, для самих себя (имеет ввиду «верх») делаем их непреодолимыми!» И т.д. «Задержать тираж!»

Б.Н. в этих своих действиях напоминает мне Державина из Дезькиного стихотворения:

Он, старик,..
Что-то молча про себя загадывал.
……..
Был Державин льстец и скаред,
И в чинах, но разумом велик.
Вот какой Державин был старик!

Брутенц, который с прошлой пятницы стал, наконец, замом, рассказывал мне о том, что было «на даче» в Серебряном бору. Туда выехал бригада: Загладин, Жилин, Пышков, Брутенц и др. Подготовка генеральной речи к конференции КП Европы. Своя компашка. Брутенц в роли белой вороны, но его использовали в качестве объекта для выпивки (в связи с назначением). Были всякие разговоры. Из них Брутенц (я смеялся на это его признание) понял, что отдельская каша варится в рамках «четверки»: составляются реноме, санкционируются характеристики, обговариваются кадровые вопросы, определяется, кто «наш», а кто «не наш». Пошлая компания.

Труднее всего понять Загладина. Может быть, просто совмещение безграничного равнодушия и беспринципного цинизма в отношении людей (любых) с желанием иметь удобную микросреду. Выглядеть «хорошим, своим парнем».

Шапошников мечется. Мое назначение в Ревизионную комиссию глубоко и необратимо уязвило его …, гонит его на необдуманные и гнусные поступки.

Б.Н. чует все это. Но то ли боится сор из избы выносить, то ли видит свою неспособность что-либо изменить.

Один «музыкальный момент» опять же из подготовки Б.Н.'овского доклада. Вчера он меня держал из-за этого до 10 часов вечера, все правил, хотя не так уж много. Наконец, уехал, видно, на дачу. Звонит из машины: «Анатолий Сергеевич, надо потеплее сказать, а то как-то все сухо!»

Я: «О чем? О компартиях?»

Б.Н. (раздраженно): «Да нет же… Ну, я приеду – позвоню по другому телефону. Ну, что вы не понимаете? События всякие»…

Я: «Понимаю, Борис Николаевич, будет сделано».

Б.Н.: «Перенасыщать-то не надо. Но надо и в начале и в конце»…

Вспомнил об этом потому, что сам сегодня слышал в магазине, а потом еще соседка рассказала. Народ в открытую говорит такое, за что, как выразилась она, будь это при Сталине

– пол Москвы бы расстреляли. Минимально: «Бюсты себе ставят, звезды маршальские вешают, будто на войну собрались, а жрать нечего. Довели страну, что крестьяне в городских магазинах за зеленым луком в очереди стоят»…

Мне Б.Н. рассказывает, сам весь кипит: «Киссинджер, Форд, всякие сенаторы – чуть что – пожалуйста, интервью… И говорят что попало. И нас гвоздят почем зря. А тут: Громыко дважды предложил, чтоб Брежнев дал интервью… Ведь там напечатают все до последней запятой. Но тот: «Да зачем…, да ну их, чего я буду говорить» А ведь при его-то авторитете в мире – любую клевету против нас можно было бы отбить сразу. И т.д.

Я слушаю и думаю: Что ты говоришь, Борис Николаевич?! Будто ты сам не понимаешь, что при том владении словом и мыслью, какое, например, продемонстрировано на совещании, устроенном Черненко, ни о каком интервью не может быть и речи. Да еще – при почти физическом отвращении к любому умственному напряжению. Ведь именно поэтому он старается избегать встреч со знатными визитерами, хотя, казалось бы, это позарез как нужно (например, Кейсон Фонвихан, камбоджийский премьер).

28 мая 76 г.

У Б.Н. новая идея – выступить с дидактической статьей о пролетарском интернационализме. Впрочем, если подход будет аналогичным тому, какой к диктатуре пролетариата, то это только на пользу. Ведь сейчас вообще никто ничего не может понять, чего мы хотим и на чем мы будем стоять, почему мы так уж заинтересованы в пролетарском интернационализме, и вообще, что мы под ним разумеем, если не собственную гегемонию и не поклонение нам (этого ни один разумный человек отстаивать всерьез уже не может).

Например, подсунул мне Корионов верстку статьи для «Правды» о пролетарском интернационализме. Звонарства и цитат – на полосу, а чего мы хотим – ни в строках, ни даже между строк никто не в состоянии вычитать,… думаю, сам Корионов.

Пономарев рассказал мне о своем недовольстве «компанией», которую брал с собой в Берлин на Редкомиссию: Загладиным – за «вольное поведение», слишком уж все сам, а глупостей наделал. Жилиным, Собакиным, Ермонским – за пьянство. Попытаюсь передать его словами: «Они обнаглели до того, что не ходили на заседания. А за столом в присутствии Катушева, подумайте только, - такая обстановка сейчас, но никого ничто не интересует, ни одного вопроса не подняли, ничего не хотели обсуждать, пили… А Жилин теперь с двух рюмок пьянеет, несет околесицу. С Собакиным пикируются. Дешевка – противно слушать. Ну, что это такое! И ни слова – по делу. А дело ведь вы сами понимаете… Из-за их безделья прокол серьезный был: мне не доложили, что французы предлагают включить в Документ «пролетарский интернационализм». Катушев, попросив слова, стал распинаться в пользу «интернациональной солидарности» (прежнее итальянское предложение). Я вынужден был выступить и поддержать французское предложение. Конфуз: Катушев одно, я – другое. И – друг за другом. А Загладин сидит рядом, налился весь краской и вдруг заявляет мне: «Мы делаем грубую политическую ошибку». Я вынужден был потом откровенно сказать ему, что так себя не ведут…»

И в таком духе.

Мне не впервой слушать эти его ламентации. Мне они не очень понятны. С Загладиным он, действительно, уже «не сладит». (Я оказался у Загладина в кабинете, когда товарищ из Общего отдела принес ему на подпись адрес – поздравление «с маршалом» от особо приближенных.

Я, конечно, не стал делиться своими впечатлениями. Но я задал провокационный вопрос: а конференция компартий будет или не будет? Б.Н. пожал плечами. «Вот, говорит, письмо Брежнева Берлингуэру готово. Читали? Почитайте».

Я: Слыхал об этом. Но не уверен, что это правильно. Пусть бы Хоннекер и доводил «бизнес с Берлингуэром до конца». (Во время съезда СЕПГ в Берлине было получено письмо

от Берлингуэра с просьбой отложить конференцию, так как в конце июня, сразу после выборов немыслимо этим заниматься и т.д.). В узком кругу с участием Суслова это письмо было обсуждено в ЦК СЕПГ и решено: «нажать на итальянцев». Они, мол, все подыгрывают буржуазным слоям и американцам, всё хотят удлинить дистанцию от комдвижения, пренебрегают интересами других!! Это глупое решение. Чем бы ни руководствовались итальянцы, они сейчас на острие международного коммунизма, разговорился я. Решается, в конце концов, исторический вопрос, поставленный еще при Ленине: - как победить в условиях высокоразвитого и высокоорганизованного капитализма Близко еще никто не подходил к практическому решению этой задачи. ИКП подошла. И, казалось бы, долг всех других коммунистов сделать все, чтобы помочь… и в первую очередь – **не помешать** итальянцам победить.

Итальянские парламентские выборы 20 июня и эта дурацкая конференция компартий Европы, которую никто не хочет и которая, по серьезному-то если, никому не нужна, - два совершенно не сопоставимых по значению события. Причем, второе может навредить первому, действительно, историческому делу.

Между тем, мы пускаем в ход орудие главного калибра – письмо от Брежнева, который, думаю, не очень-то разбирается в том, что происходит, и в оценке итальянского феномена руководствуется едва ли не обывательскими предубеждениями, замешанными на идеологии «Краткого курса». Но знающие и всевидящие эксперты в лице Загладина-Жилина-Александрова, которые сидят в Ново-Огареве и сочиняют для Брежнева речь на конференции – подсовывают такую ему акцию!..

Я почти уверен, что Берлингуэр ответит вежливым отказом. Сработает не только объективный интерес – всё отдать победе на выборах, но и соображение из сферы политической хитрости, а вдруг узнают щелкоперы, что было письмо Брежнева, как они уже пронюхали, что есть письмо Берлингуэра Хоннекеру! И скажут: вытянулся перед Москвой во фрунт, вопреки интересам своей партии, пошел на унижение, отменив прежнее свое решение - добиваться отсрочки конференции, не допустить совпадения во времени этих двух «мероприятий»!

Думаю, что Берлингуэр ответит отказом. И будет конфуз! Брежнев обозлится, а это очень не нужно сейчас для итальянцев, т.е. для МКД! Но обозлится он не только на итальянцев, но и на Пономарева.

Если же Берлингуэр пойдет на конференцию, то уж потребует большую цену – и в Документе, и в своей речи на конференции. И придется утереться, выслушать всё и – ни слова в ответ!

В любом случае для Международного отдела – плохо.

Таковы были мотивы моей реплики Б.Н.'у.

Но сказал я много меньше. Однако сказал, что «предвижу» негативный ответ. Итальянцам сейчас эта конференция вот так (провожу пальцем по горлу). И их позиция будет встречена с пониманием не только СКЮ и ФКП, но и французами, англичанами, а в душе – большинством западников. Мы окажемся в неловком положении. Я, конечно, понимаю товарищей из Ново-Огарева. Но, увы, их логика - это логика аппаратчиков. Сейчас это не всегда дальновидная логика.

Борис Николаевич выслушал молча. Смотрел на меня скептически. Но возражать не стал. И опять напомнил мне Державина. Он сам разрывается между аппаратной логикой и реальной политикой.

Читаю книжку англичанина А. Тэйлора «Вторая мировая война», которую, как он заявляет, писал 30 лет. Сгусток мыслей и оценок. Думаю, что где-то ближе всех к правде, хотя и персонифицирует немного события. И нас, наконец, оценили по заслугам (пером крупнейшего историка!).

1 июня 76 г.

Тяжелый день. Текст очередного доклада Б.Н. перед аппаратом ЦК (скорее всего и не состоится).

Оценка лично для Б.Н.'а (в тайне от новоогаревцев) текста для Генерального на конференции. Записка по его требованию о том, что бы еще сделать, чтоб отбить антисоветскую линию в президентской кампании в США. (неуемность Б.Н.'а… МИД его не поддержит и вся эта суета полетит в корзину).

Сам он сегодня занят делами европейской конференции. Оказывается, Аксен (член ПБ СЕПГ) еще в воскресенье сообщил из Рима, что Берлингуэр не поддается на уговоры и что, может быть, следует воздержаться от передачи ему письма Брежнева (посол еще не успел вручить).

А сегодня Аксен уже здесь, в Москве. Рассказывает, что Энрико держался необычно резко и непримиримо: дело, мол, не в сроках, мы согласны на конец июня. Дело в единодушии в отношении итогового документа. Если французы не подпишут хоть часть его, мы вообще не поедем на конференцию. Если кто-либо из 28 партий откажется присутствовать, мы не поедем на конференцию. Если французы не поедут, мы тоже, - «мы не хотим выглядеть ближе к Москве»… Проклинаем ту минуту, когда согласились связать конференцию с документом. И вообще – чтоб мы когда-нибудь пошли еще раз на нечто подобное! А вы (немцы) продолжаете болтать о международном Совещании (было такое в докладе Хоннекера на съезде). Зачем это нужно? Вы же знаете, что ни мы, ни другие с этим не согласны. Только лишние спекуляции провоцируете. Или может быть у вас уже проект итогового документа нового Совещания в кармане?

Надо согласиться, что только единогласно принятый документ, может быть условием проведения конференции. Значит, надо выбросить оттуда все, с чем кто-либо из участников не согласен. Иначе мы на конференцию не поедем.

И в таком духе.

После сегодняшних многочасовых объяснений: Б.Н., Катушев, Аксен, Загладин родили глупость – послать представителей ЦК (Пономарева, Катушева соответственно) в Париж, Рим, Белград уговаривать пойти на компромисс и вручить послание Брежнева. Само по себе это унизительно. А когда я почитал проекты писем Брежнева и памятки для бесед, - ума рехнулся. Получается, что не будь конференции – катастрофа для КПСС, что КПСС так в ней заинтересована, что готова отступиться от чего угодно, - соглашаемся на то, чем возмущались совсем недавно – с формулой французов, что «конференция с ограниченной повесткой дня», соглашаемся выкинуть весь анализ обстановки и оставить только пункты-цели; готовы отступиться не только от упоминания «пролетарского интернационализма», но и от собственных заслуг в деле разрядки.

А между тем, в то же самое время, когда Б.Н. подписывает такие бумаги, он мне в сердцах говорит: «Эх! Надо бы взять да хлопнуть по столу. Мол, не хотите, не надо. Что нам больше всех нужно что ли?! Катитесь со своей конференцией»…

Я в ответ: «Правильно. Но только это надо было сделать еще осенью!»

В четверг на ПБ будет решаться вопрос: посылать такие письма от Брежнева в Париж и Белград и соглашаться ли на то, чтобы конференция была бы «целиком и полностью» проведена так, как того хотят итальянцы, югославы, испанцы, румыны, а не так, как мы хотели.

Не исключено, что 3 июня будет как раз тем днем, когда Брежнев стукнет по столу и скажет примерно то, что сказал мне сегодня Пономарев. Но с той разницей, что сказанное Брежневым будет и в адрес Пономарева, даже в первую очередь в его адрес.

3 июня 76 г.

Сегодня выступал в Президиуме Академии наук – «хвалил» Иноземцева, который сам все это и организовал, вынудив Пономарева послать меня на это беспрецедентное дело. Формально: секция общественных наук Президиума обсуждала работу ИМЭМО за пять лет. А я должен был говорить, как Институт «помогает» Международному отделу ЦК. Внес я своим выступлением некоторый диссонанс в напыщенно-академический треп. Назвал фамилии, кто действительно что-то делал. Среди них 70 % евреев. Похвалил старика Хавинсона и его журнал («Мировая экономика и международные отношения»).

Эпизод: Кузьмин, зам. Отдела науки, сидевший за столом буквой «П» через Мурата Урманчеева (чиновник в Президиуме) попросил меня подсесть к нему. Я по простоте думал, что он что-то мне хочет сказать перед моим выступлением… А, как выяснилось (и как поняли все), он просто хотел, чтоб я на глазах у академиков подошел к нему, а не он ко мне. Боже мой!.. Впрочем, он глупый и мелкий человечек, которому должность куратора Академии позволяет пыжиться. У нас с ним сложилось молчаливое Vivendi: делаем вид, что между нами никогда ничего не было. А между тем, он был одним из организаторов травли меня в «период федосеевской кампании». Он из тех, кто добивает (по их мнению) обреченных и лижет идущих вверх (на всякий случай).

Я, должно быть, действительно «повзрослел»: все такие игры, которые всерьез разыгрываются во всех учреждениях (и недаром, потому что от этого зависят должности и оклады) во мне вызывают искреннюю насмешку и презрение.

Наш Игорь Соколов (консультант) недавно «организовывал себе профессора» в Ленинской школе. Делал со всей энергией, которая никогда не употреблялась на работе. У меня подписывал характеристику, совал мне всякие инструкции, доказывая, что именно так надо их писать о нем. И заметил: «Ты заметь себе… по инструкции и ты можешь тоже… вот посмотри…»

Я действительно посмотрел на него. Он оторопел и говорит: «А что?»

- Ничего, Игорь. Только я такими делами заниматься не буду. Мне не нужно ни «профессора», ни доктора, ничего в этом роде.

И на этот Президиум мне было неприятно идти: боюсь подумают, что по логике Соколова-Тимофеева и им подобных, а такие там все, - я готовлюсь в «доктора»!

Собираясь на Политбюро, Пономарев вспомнил, что ведь тогда, осенью 1974 года на Даче Горького готовился еще один, краткий документ, помимо Декларации, подготовка которой сыграла такую злую шутку и с самой конференцией, и с комдвижением, и с нашим авторитетом в нем. Документ краткий – Обращение к народам Европы. Без всякой идеологии, типа манифеста. Я порылся в моих бумагах и извлек это Обращение… и ахнул. Великолепная риторика и как раз то, что нужно, чтоб «объединить» и снять все проблемы «итогового документа».

5 июня 76 г.

Выставка Попкова (1932-74) на Кузнецком. Я, конечно, видел его в репродукциях, что-то читал, что-то слышал о нем и, когда вошел, многое бросилось в глаза будто виденное уже. Но сразу же, при первом внимательном разглядывании, понял, что это нечто необычайно сильное и простое. «В соборе», «Тишина» (с девочкой, памятниками войны и разрушенной церковью за холмом), «Хороший был человек, бабка Аксинья» (картина потрясающей проникновенности и универсальности понимания жизни. Ее можно глядеть долго, отходить, а когда возвращаешься – опять комок к горлу), «Северная песня» (контраст цивилизаций одной и той же России), «Двое», «Осенние ветры» и многие другие. Я запомнил все эти картины, они врезались в память, стоят перед глазами. Давно не испытывал такого. Один этот Попков стоит целой «школы». А у нас он в средненьких ходил. Умер в 42 года…

Рано утром ездил в Отдел «оценивать» подготовленную в «Правде» (Жуковым) статью против французского начальника генштаба, который сболтнул что-то о готовности французских войск сражаться «на передовых рубежах». Б.Н. взбеленился. И очень уж ему хотелось угодить Марше-Канапе, которые нас все время клюют за доверие к Жискару, а теперь вполне могут сказать: «Вот! Мы вам говорили!» Побежал к Суслову. Тот осторожничает. Говорит – с Громыкой посоветуюсь. А Б.Н. уже Зимянину, тот «Правде» и через 3 часа из-под жуковского пера статейка на тему: «Как же так! Нехорошо!»

Все это вздор. И политически ничего не значит. По существу политика Жискар д'Эстена не отличается ни от политики де Голля, ни от политики Помпиду. Думаю, что статейку-то не выпустят. Тем более, что это подмачивает апрельский визит Громыко и вообще наши «успехи» в деле разрядки, зафиксированные на съезде. Во всяком случае проект статьи должен быть пущен «по верху», прежде чем выйти.

А еще в промежутке виделся с Любимовым. Подъехал к его дому на ул. Чайковского и полчасика походили. Он давно меня просил встретиться. Я подозревал, что речь опять пойдет о поездке во Францию, Италию или еще куда-нибудь, т.е. еще одной акции «употребления» меня. И все отговаривался. А вчера позвонил Самотейкин (референт Брежнева) и сказал, что предстоит у Любимова еще одна встреча с Зимяниным и надо «остепенить» его загодя. Он, мол, будет жать на Зимянина, чтоб разрешили поставить «Кузькина» Можаева (спектакль сделан еще лет пять назад, но его завалила сначала Фурцева, потом Демичев, потом Ягодкин). Все эти «ушли» и Любимов, видимо, решил начать атаку на нового уже Секретаря. Так вот, говорит Самотейкин, этого не надо допускать. Дело непроходимое, только обозлит Зимянина, а «в этом состоянии» он будет докладывать Генеральному. А докладывать должен, так как Зимянин встречается с Любимовым по поручению Брежнева, на имя которого Любимов послал письмо.

Так у меня появилась у самого «потребность» срочно, до встречи в ЦК, увидеться с Любимовым. Пробовал его урезонивать. Предупреждал: пусть не делает глупостей, если дорожит театром и своей славой, - именно сейчас легко можно все порушить, если у Брежнева возникнет «разочарование»: мол, помогал, спас от исключения из партии, а он «этот гений» опять за свое!

Кажется, произвело. Но плохо, что он шел на этот раз к Зимянину вместе с Можаевым.

<u>6 июня 76 г.</u>

Между прочим, Марше «отказал» вчера Пономареву в приеме в Париже. У него «нет времени». Вот, мол, Канапа приедет в Берлин на Редкомиссию – там и поговорите. И это, несмотря на то, что посол уведомил его, что Пономарев везет «послание Брежнева»…

Вот так-то. Думаю, что это опять ошибка Загладина… даже если инициатива поездки в Париж исходит от Аксена. Такое нужно было предвидеть.

С помощью Дезьки обратил внимание на Юрия Кузнецова (в № 3 «Нового мира» есть несколько его стихов). Считается, что он открывает новую страницу в истории русской поэзии.

<u>18 июня 76 г.</u>

10-11-го в Берлине была Редкомиссия по подготовке конференции компартий. 350 выступлений за два дня. «Документ», можно сказать, согласовали. Мы считаем его подходящим, поскольку он не расходится с «программой дальнейшей борьбы» XXV съезда и фактически означает одобрение нашей внешней политики. В обмен мы пожертвовали всеми анализами обстановки и оценками, которые хотя бы напоминали идеологию. Это тоже хорошо.

Контрапунктом и этого заседания, и всей 20-ти месячной подготовки конференции можно считать столкновение по «пролетарскому интернационализму».

Длительное время югославы не хотели упоминать этот термин в документе. Катушев, который был послан в Белград накануне этой берлинской встречи, уговорил Тито и Доланца. Те согласились, но настояли, чтоб раскрытие этого понятия включало все на свете: независимость, автономию, право выбора пути к социализму, невмешательство, солидарность с неприсоединившимися и т.д.

Однако, когда это было предложено в Берлине, заартачились итальянцы (раньше они помалкивали на этот счет, уверенные, что этот термин не проскочит через югославов). Пришлось вернуться к прежнему варианту – «об интернационалистической солидарности в духе идей Маркса-Энгельса-Ленина». И вот, когда все согласились, Канапа сделал «заявление»: «Итак, я констатирую, что при поддержке КПСС, ВСРП, БКП, КПЧ, СЕПГ и др. партий понятие «пролетарский интернационализм» изъято из употребления в комдвижении. Это – новая ситуация, о которой я должен доложить своему руководству»…

Б.Н. пришел в себя первый. (Он сам рассказывал замам, как все произошло). Я, говорит, видел, что все ждут нашей реакции: пойдем мы дальше на попятный, чтобы спасти конференцию, или дадим бой. «И я выступил». Видно было, что он крайне доволен и горд своим выступлением. Да и очевидцы говорят, что это был яркий экспромт. Начал он так: «Товарищ Канапа сам не верит в то, что он говорит. И знает, что он говорит неправду». И разъяснил Канапе, что такое был, есть и будет интернационализм КПСС.

Лагутин так оценил: «Б.Н. врезал Канапе между глаз»…

И пошло: вслед за Б.Н. выступило 18 делегаций. Все было: называли его заявление провокацией, требовали извиниться, разъясняли, что «идеи Маркса-Энгельса-Ленина включают интернационализм», напомнили, что когда, например, Марше едет к японцам или югославам и в итоговом коммюнике, он не употребляет термин «пролетарский интернационализм», потому что этого не хотят «собеседники». Канапа считает это нормальным… Говорили и о том. Что он почему-то забыл упомянуть партию, которая ультимативно воспротивилась допустить этот термин в документ конференции – итальянскую, а назвал как раз те, которые 20 месяцев настаивали на этом, а теперь пошли навстречу ИКП, учитывая ее предвыборные нужды. И т.д.

Канапа сидел бледный, но не отказался от своих слов.

Думаю, что он «забежал вперед» и просчитался. Он фактически вызвал референдум, поставив участников перед выбором – за «еврокоммунизм» или за КПСС. Подавляющее большинство выбрало пока КПСС, т.е. традиционный интернационализм. Промолчали СКЮ, ИКП, румыны, шведы, некоторым просто не досталось слова: ирландцам, например, которые, конечно, были бы с большинством.

Между тем, в жизни, в реальной действительности «еврокоммунизм», возглавляемый итальянцами, продолжает бурно набирать силу. Берлингуэр почти каждый день либо выступает на митингах, либо дает интервью. И если некоторое время назад он говорил, что ИКП не будет требовать выхода страны из НАТО, чтобы не нарушить международный баланс и не подорвать разрядку, то теперь он открыто заявляет, что НАТО нужно, чтобы оградить «итальянский путь к социализму» от пражской судьбы 1968 года. Он, в несвойственной ему ранее бесцеремонной манере, напоминает о том, что Брежнев, встретившись с ним после его речи на XXV съезде КПСС, ни словом не обмолвился ни об этой его речи, ни вообще о позиции ИКП в отношении «советского социализма». Все чаще и грубее (уже почти a la Марше) он осуждает нашу «демократию» и наши порядки.

Вчера принято постановление секретариата ЦК по нашей аналитической записке о положении в МКД. Очень хорошо, что принята предложенная нашим Отделом методика: не паниковать, не наклеивать ярлыков, не полоскать публично, всю работу с КП подчинить налаживанию доверия и товарищеских отношений. До конференции КП Европы вообще запрещено выступать со статьями, в которых хотя бы даже анонимно критикуются компартии.

Это уже шаг к признанию новых реальностей в МКД.

А на ПБ, которое состоялось во вторник и на котором обсуждался отчет Пономарева о Берлине (в том числе и о вылазке Канапы), имел место такой эпизод. Громыко, в разрез с тем, что говорили другие, вдруг заявил: «А нужна ли нам в таких условиях вообще эта конференция? Не спустить ли ее потихоньку под откос? Ведь неизвестно, что еще там будут говорить Марше и Берлингуэр! И зачем нам документ, который явно будет хуже, чем Карловарский?!» (Имеется в виду документ, принятый на конференции компартий Европы в Карловых Варах в 1966 году).

«Отпора» ему, естественно, никто не дал. Брежнев промолчал и вообще ничего не говорил на ПБ по этому вопросу. Правда, на другой день утром, когда Б.Н. мне это рассказал, он добавил: «Все удивлены и не согласны. Мне вот сейчас звонили члены ПБ (?), помощники Брежнева (?) и все в один голос возмущаются заявлением Громыко»…

Не знаю, не знаю… Громыко ведь после Гречко самый близкий к Генеральному человек. Между ними полная доверительность… Неужели он вылез, не предупредив. А если и так, он наверняка продолжит свою «речь» в другой обстановке, тем более, что почувствовал себя в изоляции.

9 июля 76 г.

За эти 20 дней, когда не было никакой возможности что-либо написать, произошли важные вещи: Берлинская конференция компартий Европы (29-30 июня), моя поездка во Францию, утверждение меня членом редколлегии «Коммуниста» и мое первое там выступление. Меня попросили кое-что сказать о Берлине и о Париже, просто так, чтоб коллеги услышали голос.

Думаю, что Б.Н. специально воспользовался случаем и отправил меня во Францию, чтоб не затрудняться с приобщением меня, наряду с Загладиным и Жилиным, в команду сопровождающих в Берлин.

Берлин, конечно, веха: мы признали публично право не соглашаться с нами и с комдвижением не только «по отдельным вопросам», но и по вопросам идеологии. Самый умный классовый враг (в лице обозревателя Рестона) оценил эту нашу мудрость: важнее сохранить комдвижение, чем держаться за не очень понятные сейчас догматы веры.

Ребята из Отдела (а их – десятки, переводчики, референты, консультанты) рассказывают о встречах Брежнева с лидерами братских партий. 12 встреч. Похлопал по плечу Миса – коммюнике. Пожал руку Макленнану – коммюнике. А с Кадаром – самая приятная, по словам Брежнева, была встреча. Тот подошел и говорит: «Леонид, у меня нет никаких вопросов, но в «Правде» – одно коммюнике за другим. Мне тоже нужно коммюнике». Обнялись – и коммюнике появилось.

Цирк.

Б.Н. мне рассказывает, как Леонид Ильич однажды заявил ему: «Борис, с твоими встречаться не буду, нет сил». И в самом деле, продолжал Б.Н., он совсем был «не того». И слышит плохо… Ситуация совершенно нелепая, а между тем – «исторический успех»…

Впрочем, может, так оно и правильно. Может, не наше это дело - заниматься «координацией» коммунистических и прочих сил в мировом масштабе? Может, наше дело идти как волнорез – «по возможности» и «по способностям», уповая на непотопляемость России? Главное - чтоб не было ядерной войны. Может, вся эта наша активность в «третьем мире» - только инерция и плата по прежним, идеологическим обязательствам?

Может, сама наша политическая усталость и старческая недееспособность руководства – «перст Божий»? Может быть, они удачно совпали с объективной потребностью России оставить всех в покое и немножко поплыть, куда плывется и как можется, - только чтоб не тревожили?»

Наверное, написал я это под впечатлением только что прочитанной книги, которую купил в Париже: Tibor Szamuely «La tradition russe». Читал ее с волнением и потому еще, что знавал автора: он учился после войны на моей кафедре в МГУ. Племянник знаменитого Тибора Самуэли (есть фото, где он в 1919 году рядом с Лениным на Красной площади) - одного из вождей Венгерской Советской республики. Тибор-младший родился в 1925 году в Москве. В 1951 во время «космополитии» его посадили. В 55-м выпустили и он уехал в Венгрию, а после «событий» эмигрировал в Лондон, где вскоре стал профессором университета. Умер в 1973. Книга, вышедшая уже после его смерти, написана с поразительной для человека такой судьбы любовью и проникновенностью к России. Это - трагическая повесть. И русская история в ней предстает как нескончаемая драма великого народа, который на протяжении тысячи лет отстаивал свое право на жизнь и на величие. Главная идея книги в том, что русские не смогли бы сохранить себя как нацию, не смогли бы преодолеть всех колоссальных препятствий, каких не знал ни один другой народ такого масштаба, если бы они не пожертвовали почти всем в пользу Государства... - в том числе почти всеми ценностями и правами (политическими, социальными, индивидуальными и проч.), которые составляют естественную основу западноевропейских обществ.

Франция. Делегация «по обмену опытом идеологической работы»… В. Афанасьев – главный редактор «Правды», Т. Жданова – секретарь ленинградского горсовета, М. Ненашев – зам. зав Отдела пропаганды ЦК, Е. Чехарин – ректор ВПШ, Д. Моисеенко – наш референт по Франции.

Неожиданность визита – как признак «потепления» ФКП-КПСС, что отметили «Monde» и «Figaro». 23-го прием у Канапы в ЦК ФКП. Поношение СПФ. «Я тебя, Anatole, люблю, но я ничего не скажу тебе» (о решении Пленума ФКП насчет участия в берлинской конференции).

Встречи с другими деятелями ФКП, разговоры, острые споры, приемы, дискуссии. Осмотр и прогулки по городу, посещение музеев, магазинов.

На работе гонка с итогами Берлина. Загладин и Жилин вернулись на двое суток позже делегации. И Б.Н. почему-то поволок меня к Суслову – составлять решение ПБ по Берлину (которое 3-го июля было опубликовано в «Правде»). Суслов вроде удивился. Потом там появился Брежнев. Когда он пришел к Суслову, я был в приемной. Кажется, он меня принял за сусловского секретаря. Спросил только, один ли Суслов. Б.Н. и Катушев в этот момент вышли из соседней комнаты. Он, держась за ручку двери в кабинет Суслова, успел им сообщить, что он утром побрился, отдохнул, секретарям обкомов позвонил и весь остальной день в Кремле на работе. По поводу идеи проекта постановления ПБ по Берлину, с чем к нему полез Б.Н., сказал только: «Не торопимся ли мы»… Но Б.Н.: «Надо дать основу для аналогичный решений преданных нам партий». Такого же мнения, очевидно, держался и Суслов. Поэтому решение вышло на другой же день. Впрочем, настороженность Брежнева возникла еще из-за того, как мне показалось, что он не понял, что проект будет разослан всем (т.е. в том числе Громыко и Андропову, без мнения которых он, видимо, не выпускает ничего по международным делам).

<u>19 июля 76 г.</u>

Прошлая неделя ушла на сочинение статьи Пономареву для «Коммуниста». Трудно шло: сказать так, чтоб было «по-нашему» и в то же время не перейти за рамки «коллективных договоренностей» в Берлине, не упустить уж слишком КПСС'овской интерпретации конференции. Б.Н. явно этого не хочет. Может быть, мудрый старик таким осторожным способом хочет дать понять братским партиям, что КПСС «сделала выводы» и принимает «новый этап» в МКД, как неизбежность и даже спокойно.

Между прочим, по первому варианту статьи попросил убавить количество цитат из «нашего главного» и поставил в осторожные скобки абзац с восхвалением его вклада в работу конференции, объяснив мне устно, что он имеет ввиду. Готовится к «эре после Брежнева»??

Мое пребывание в редколлегии «Коммуниста» уже доставляет много дополнительных забот. Каждую неделю заседание редколлегии. И шлют все тексты. Все вроде нужно хотя бы смотреть.

Балмашнов сообщил мне, что к нему приходил Искандеров и просил передать Б.Н.'у, что Трапезников поручил кому-то (тайно) в Институте истории подготовить «внутреннюю рецензию» на I том «Международного рабочего движения». Балмашнов комментировал это так: затевают повторение истории с V томом «Истории КПСС», когда Б.Н. получил щелчок (считали, что «звонок»). Я не очень в это верю. Скорее Искандеров интригует: хочется уж больно ему стать директором Института Африки, вот и демонстрирует верность. Потому что дело-то уж явно проигрышное. В идеологической ситуации, когда на конференции компартий говорят вещи, от которых всего два года назад мог инфаркт случиться у ортодоксов, - в этой ситуации вылавливать идеологически неблагополучные фразы и инкриминировать их секретарю ЦК… Нет Трапезников не такой уж дурак, хотя и фанатик.

И потом: уже появились похвальные рецензии в ПМС, в «Правде», в МЭИМО. В № 10 «Коммуниста» великолепно схвачена суть. В августе будет в «Вопросах истории». Если бы Трапезников что-то замышлял, он мог бы как-то предотвратить этот процесс. Кроме того, он знает, что есть «внутренняя рецензия» на рукопись тома из ИМЭЛ'а. На кого же он обопрется, не говоря уже о том, что его зав. сектором Хромов – член главной редакции дал отличный отзыв на рукопись, и главные клевреты тоже «замазаны» участием в главной редакции и обсуждениях.

Липа, должно быть.

В четверг собирались с друзьями. Был Бовин, Карякин. Попытки выяснять смысл «должности» в жизни каждого из нас. Бовин негодовал: мол, дали бы мне свободу, я чувствую в себе силы говорить с народом так, как он того заслуживает, объяснять ему, что происходит в мире на самом деле. Я лениво возражал: кто, мол, тебе мешает, если, конечно, ты не думаешь в душе так же, как Киссинджер или Каррильо. Моя идея о себе – «frontir»=граница. Которая уже дошла до западного побережья. Все освоено, индейцы превращены в объект для туристов. И сил больше что-нибудь сделать нет. Удовлетворяешься хорошо сделанным в рамках служебного микромира, отмахиваясь от мысли, нужно ли это кому-нибудь за его пределами. Бовин расшифровал это так: сидит в говне и заставляет себя думать, что вылезти не сможет…

А вчера на даче с нетерпением ждал выступления Бовина по TV в «Международной панораме». Был приличен. По крайней мере трижды отступил от канонических оценок: по Испании, по Картеру и вообще президентским делам в США, по Ливану.

<u>31 августа 76 г.</u>

Полтора месяца пропустил. Поэтому - пунктирно, что произошло за это время.

С 12-27 августа был вновь на Рижском взморье, в сверх комфортабельном «Янтаре». А до этого 3 августа была беседа с Эндрю Ротштейном, который отказался встречаться с Б.Н.'ом, считая, что тот трусит поступать с английской компартией так, как следовало бы, чтоб вернуть ее на путь марксизма-ленинизма. Естественно, Брежнев и его друг Суслов не захотели тратить на него время. Я позвал на беседу Ненашева – зам. Отдела пропаганды, с которым мы были во Франции. Старик Ротштейн – живая история Коминтерна и проч. Мальчиком сидел на коленях у Ленина, когда тот играл с его отцом[4] в шахматы… Говорит, что «наша беда» («вина» вашего руководства), что вы (КПСС) зазнались. Припомнил, что Сталин отказался послать дивизию в Лондон в 1945 году на парад союзников… И тогда

[4] Федор Ротштейн – видный деятель РСДРП, приятель Ленина по эмиграции, остался навсегда в Англии еще до Первой мировой войны.

английский рабочий класс понял, что его в счет не берут. А он – будучи англичанином – таких вещей не забывает. (Кстати, Ротштейн вполне свободно говорит по-русски, хотя и немного слишком правильно). Главная его тема – ничтожество нашей пропаганды. Вы «не доходите» до западного человека. Ваши журналисты и пропагандисты занимаются литературщиной, а нужны факты, нужна умелая подача действительности.

Ненашев его заверил, что мы-де это понимаем, вот, мол, состоялось решение ЦК об Агентстве печати «Новости», где предусмотрен штат специальных обозревателей, которые знают западную аудиторию.

Между тем, спустя несколько дней я узнал следующее. Уже после выход этого решения, которое «укрепляло и расширяло» АПН, Брежнев позвонил Кириленко (из Крыма) и, очевидно, даже не подозревая об этом решении, стал ему говорить, что, мол, эта организация только деньги жрет народные и вообще «раздули», а продукция их валяется по коридорам посольств…

Вслед за этим сразу же появилась записка за подписью двух членов Политбюро: Кириленко и Андропова в этом духе. И тут же было принято другое решение ЦК, которое сокращало АПН на ¾ и вообще низвело ее до уровня, которого, впрочем, она заслуживает. Ее вообще бы закрыть. Сама идея изначально была выморочная. Толкунов сейчас рассовывает своих работников по разным местам их сотни и, трудно поверить, - тысячи.

Принимал я перед отъездом в отпуск несколько делегаций от компартий. Итальянская – 15 секретарей райкомов. Говорил им о величии их партии, о значении того, что она делает для всех нас. О том, как важно, «несмотря на расхождения», что мы и они (Брежнев-Берлингуэр) демонстрируем перед всем миром нашу дружбу, разочаровывая и сбивая с толку противников.

18 сентября 76 г.

В первой половине сентября был с дочерью в Венгрии. Венгры принимали широко, показали много интересного.

Здесь я прочел запись беседы Брежнев-Кадар в Крыму (26 августа 76 г.). Брежнев Кадара «на ты», Кадар его – «на Вы». Поучающий тон, вплоть до оценок руководящих деятелей Венгрии с рекомендациями на их счет. Но вместе с тем искреннее выражение доверительности, похвалы в адрес самого Яноша; за интернационализм, понимание и мудрость. Брежнев держался как «старший» и «непререкаемый», он не «советовался», а советовал.

Между прочим, меня поразила жесткость, с какой Брежнев говорил о внешнеполитических и особенно идеологических вопросах (много жестче, чем в Завидово перед XXV съездом). И в отношении проблем ФРГ-ГДР – «никаких послаблений» Шмидту, и в отношении идеологической непримиримости к шатаниям, осудил Ацела (член Политбюро ВСРП), который-де опасен своими либеральными замашками.

Удивило меня и его заявление по поводу нового международного Совещания МКД. Мол, в практическую плоскость его ставить рано, но думать о формах, подходах, методах пора. Мы все равно не дождемся, пока китайцы согласятся на Совещание. И вся проблема единства МКД (несмотря на Берлин) у него сведена к новому Совещанию…

В Будапеште один вечер мы провели у Нади Барта, помощницы Кадара. Очень мило беседовали на литературно-социологические темы. Надя мне предложила почитать «Континент». «Не стесняйтесь, у нас ведь это просто… Завтра будете в ЦК, отдайте кому-нибудь, они мне передадут!»…

И вот №№ 7 и 8. Максимов, Некрасов и тьма других ранее известных у нас имен. Две ночи я читал это. В том числе Наума Коржавина, памфлет – обращение к «левым интеллигентам» на Западе. Его оценки Фиделя, Че-Гевары, Альенде… Не всякий на такое решится.

И какая сила слова! Видишь абсурдность, нелепость его взглядов, готов полемизировать и есть для этого убийственные аргументы. Но неотразимо действует! Сам стиль, сатира и яд как таковые… Владение словом, мастерство. Там же – главы из второй книги В. Гроссмана – продолжение «За правое дело». Называется «Жизнь и судьба». О подготовке окружения Сталинграда. Сильнейшая вещь. И послесловие литературного критика Ямпольского – о последнем десятилетии жизни Гроссмана, после ареста рукописи в 1963 году, о его похоронах.

Протест Е. Эткинда, известного литературоведа, гнев и поношение судей и гбэшников, которые вынудили его покинуть страну (в 1974 году), а он-де ничего антисоветского не сделал и не собирался сделать, и ничего такого публично не писал. Инкриминировали ему несколько фраз из письма к зятю, который собрался уезжать в Израиль и которого он отговаривал это делать: мол, здесь надо бороться за справедливость, а там ты никому не нужен. Письмо, конечно, попало куда надо. Описывает, как его исключали из Союза писателей и из Пединститута им. Герцена в Ленинграде, как вели себя его друзья – писатели и поэты.

Очень у меня испортилось настроение от этого чтения. Пожалуй, теперь уже сотни талантливейших и образованных людей уехали на Запад и там рассказывают подноготную нашу во всеоружии знаний и мастерства.

В Будапеште я сразу узнал, что меня определили в делегацию на съезд КП Дании (23.09. -26.09.) во главе с Черненко. Вернулся в Москву - и пошла куралесица с бумагами: речь, памятки, «подарки», главный из которых – заказы на суда в «Бурмайстер и Вайн», где самая большая парторганизация.

Пока общение с Черненко (едва ли не самый близкий и доверенный человек Брежнева) показывает, что он умен и прост, без суеты, хотя дело для него новое.

Почти каждый день по телефону общаюсь с Б.Н.'ом, который в Крыму. Занимаюсь статьями о «социал-демократии» и о «советской демократии», предстоящей поездкой делегации КПСС в Англию.

Сегодня сходил на выставку Кончаловского. Должно быть, впервые он выставлен целиком – во всех его этапах, с 10-х до 50-х годов. Да, мы помаленьку становимся взрослыми и не боимся уже показывать художников, которые во время Октябрьской революции, Гражданской войны и первых пятилеток рисовали голых натурщиц, цветы и виды старинной природы, семейные портреты.

Потрясающая графика литовца Краскауса – «Память», «Борьба», «Жизнь» – три серии. Выставлена на Государственную премию за этот год.

<u>16 октября 76 г.</u>

С утра до ночи «готовлю» Б.Н.'а в Англию. Ворох всяких справок, заготовок речей, тостов, памяток для бесед. Все это, конечно, пойдет в корзину. Его «руководство» заключается в том, что эти бумаги все больше насыщаются пропагандой (и во многом – демагогией), которая, конечно, только покоробит англичан. И меня вновь и вновь поражает, как он, человек с острым практическим взглядом на вещи, со склонностью смотреть с изнанки, видеть скорее плохое в людях, чем хорошее, всегда подозревать их в корысти (если они что-то делают не для него непосредственно), человек с таким политическим опытом и иногда даже полицейским подходом к иностранным делам, - как он может рассчитывать, что англичане, лейбористы, на уровне руководства LP и LD, дадут ему произносить часовые речи с призывами к разрядке, сокращению вооружений, прекращению гонки, уменьшению военных бюджетов, а заодно «агитировать за советскую власть» указанием на то, что у нас хлеб – столько-то копеек, молоко – столько-то, трамвай и метро – столько-то… И все это неизменно уже 50 лет!

Сколько бы я ни убеждал его, что разговоры будут сугубо деловые, он только раздражается. Я готов биться об заклад, что у Каллагана-Хили-Кроссленда вопросы будут такие: когда приедет в Англию Брежнев; почему мы мешаем мирному урегулированию в Южной Африке; почему мы наращиваем военно-морскую мощь, сверх необходимых для обороны пределов; о диссидентах и евреях (третья корзина Хельсинки); почему мы так плохо выбираем полурамиллиардный заём, который англичане нам предоставили в 1975 году, и занимаемся при этом разглагольствованием о необходимости всемерного развития экономических отношений.

Ни по одному из этих вопросов Б.Н. не имеет никаких полномочий. В ответ он будет «делать пропаганду» и призывать к дальнейшему сотрудничеству во имя мира! И голо отрицать то, что будут предъявлять как обвинение (например, по флоту он даже не знает, как обстоит дело).

Выдал я ему еще и еще раз переделанные статьи по социал-демократии (перед женевским Конгрессом Социнтерна, в свете нашей берлинской встречи) и о советской демократии. Он ковырялся в текстах во время отпуска в Крыму. Должен сказать, что Сашка Вебер сделал отличную, очень политичную статью по социал-демократии. Она могла бы стать переломной для МРД, поскольку «из под пера» самого Пономарева. Но теперь – Hic Rhodus – hic salta! Теперь Б.Н. должен пойти к Суслову и договориться: выступать или нет. До Конгресса Социнтерна остается чуть больше месяца… Я несколько раз напоминал. Он соглашался. С Сусловым он видится каждый день. Результата никакого. Возникает уверенность, что произойдет то же, что уже неоднократно бывало и с этой, и с другими темами: откладывается, забывается, а через год, обычно пере отпуском, он начинает ворчать – вот, сколько лет я настаиваю на такой статье, ничего у этого вашего Вебера не получается (намек и на меня), или он не хочет, у него (т.е. у Вебера) явный уклон в реформизм, вот он и волынит. И т.д.

Здесь вновь сказывается его чиновное, в общем-то бесправное положение в партийной верхушке. Как мы в отношении него самого, так и он там может лишь исподволь протаскивать что-то свое, давать замечания, которые часто игнорируют, но ничего существенного он не может там определять и уж во всяком случае, решать.

На прошлой неделе был здесь Уоддис. Приехал договариваться о визите своего генсека в Москву, но чтоб на уровне Брежнева. Дело тянется более трех лет. Но и на этот раз Б.Н. отфутболил визит на будущий год.

За эти две недели пришлось также заниматься с Блатовым подготовкой бесед Брежнева с Нето (президент Анголы), заодно доводить текст интервью Брежнева французскому телевидению. Оно состоялось 4 октября и, кажется, произвело впечатление на Западе. Таковы законы современной политики и массовой информации! Те же самые слова в сотнях умных и авторитетных статей имеют почти нулевой результат. А здесь – даже без особых аргументов – означают вклад в реальную политику.

А московская публика несколько дней не могла придти в себя от удивления, - как это Брежнев целые полчаса без всякой бумажки так гладко все говорил. Ей в голову не приходит, как это делается.

Вот еще одно на эту тему. Произошло позавчера. А вчера полностью дано в газетах. Привожу выдержки из речи Кириленко по случаю вручения Брежневу второй звезды Героя в связи с семидесятилетием.

«Дорогой Леонид Ильич! За это время ты, как никто, так высоко поднял величие нашей Родины, ее народов, так мудро изменил развитие мира в сторону разрядки и утверждения прочного мира на Земле, за что ты, Леонид Ильич, законно снискал глубокую любовь миллионов людей нашей планеты…

Партия и народ любят тебя, Леонид Ильич… Весь твой жизненный путь, мудрость и талант дали тебе возможность собрать и впитать в себя такие драгоценные качества

партийного и государственного деятеля, которые присущи только великому человеку нашего времени, вождю нашей партии и всех народов нашей Отчизны».

Кажется, мы выходим на последний рубеж. Помнится, в отношении Никиты мы до такого не доходили.

Вчера я невольно оказался при телефонном разговоре Гришина с Пономаревым (тот болеет и на ПБ и при награждении Брежнева не присутствовал). Б.Н. ему рассказывает что было. Они на «Вы» и, следовательно, не очень интимны в общении, но все же он рассказал что было и под конец не удержался: «Длинно, говорит, выступал Андрей Павлович… И все одно и тоже, все уже известно… Все уж утомились, а он все говорит и говорит. Больше – чем другие в таких случаях».

Коробит старика этот неумолимый процесс культизации Брежнева.

23 октября 76 г.

Брежнев беседовал с Хаммером. Этот, как и Гарриман приехал рекламировать Картера. А Брежнев ему: «Не знаю, не знаю… Но то, что ваш президент наговорил про разрядку и про Советский Союз, - ни в какие ворота»… Хаммер заверял, что все это только, чтобы получить власть. Потом все будет, мол, иначе. Хвастался, что его миллиардные сделки с нами успешно работают, что обеспечит нас удобрениями настолько, что мы сами скоро будем экспортировать хлеб. Благодарил за продолжение строительства Торгового центра в Москве, несмотря на охлаждение советско-американских отношений из-за президентских выборов.

Самое интересное: 1) убеждал Брежнева восстановить отношения с Израилем. Все проблемы легче будет решать: во-первых, с вашими евреями. Будете всех, кто хочет уехать отправлять в израильское консульство и пусть разбираются. Вообще, говорит, надо вам что-то решать с евреями. Вы по-прежнему недооцениваете силу и влияние сионистов США. Ведь это они ликвидировали Никсона.

Брежнев подчеркнуто: «Я дал указание отпускать всех, кто хочет. За исключением причастных к оборонным и другим государственным секретам. Остальные пусть едут».

Во-вторых, говорит Хаммер, и на Ближнем Востоке вам легче будет, сможете прямо влиять на Израиль… Примите опять послом в Москве Голду Меер и, уверяю вас, тысячи проблем сразу потеряют свою остроту.

Брежнев ему: «Дело не простое. Мы ведь разорвали отношения в знак протеста против агрессии. Но агрессия продолжается».

Хаммер: «Но ведь иметь дипломатические отношения с государством – не значит одобрять его политику, везде так».

Брежнев: «Подумаем, интересное предложение».

2) У вас, говорит Хаммер, в запасниках Третьяковки и Русского музея огромное количество картин 20-х годов – русских абстракционистов, Кандинского, Малевича и т.п. Они вряд ли когда-нибудь будут популярны в Советском Союзе. Да, я и сам, откровенно говоря, не понимаю их, но на Западе на них мода и огромный спрос. Вы бы устроили в Париже или где-нибудь еще выставку таких картин: и прибыль, и жест хороший с точки зрения хельсинской третьей корзины. Кстати говоря, вы бы могли заработать большие деньги, если б продали такие картины на Западе, ведь там за каждую заплатят миллионы.

Брежнев: «Подумаем, небезынтересное соображение».

Замотал меня Пономарев подготовкой своего визита в Англию. Десятки вариантов для речей и т.п. Каждому нормальному человеку ясно, что никто не даст ему там распевать свои пропагандистские песни.

Зашел ко мне Иноземцев. Полистал бумажки и бесцеремонно припечатал: даже не пропаганда, а дешевая агитация. Я ему говорю: «Коля, ты пойди и скажи сам Б.Н.у вот то же самое. У меня уже мозоли на языке на эту тему».

Да, пошел он на х…. , ответствовал академик. Посылать туда секретаря ЦК КПСС и кандидата в члены ПБ может только человек, у которого за спиной есть нечто, а именно Генсек, который не стесняется в выражении своего презрения Пономареву. Но тут есть и объективное начало, которое отражают такие люди, как Иноземцев, Арбатов, отчасти Александров, хотя этот более идеологичен. Называется это «государственный подход», т.е. умение исходить из реальностей и вести себя по-деловому с западными деятелями, рассчитывая на реальные результаты и для экономики, и для мира. Пономарев же мыслит идеологическими категориями «борьбы против империализма», разоблачительно-пропагандистскими. И, конечно, вызывает раздражение, прежде всего тем, что хочет выглядеть непримиримым защитником «наших классовых интересов», даже больше, чем сам Леонид Ильич. Я, разумеется, целиком на стороне Иноземцева и Арбатова, они это знают, но и понимают, как и то, что жизнь меня определила при Пономареве.

В общем-то, и сам Брежнев близок к этой концепции (Чехословакия – другой вопрос). Пономаревский же подход окончательно губит МКД. Все, пока еще жизнеспособное в нем, никогда не вернется в коминтерновский загон, ибо это – тупик, маразм, самоубийство компартий.

7 ноября 76 г.

Был на Красной площади. Пошел на прием в Кремль. Самое сильное там впечатление – роскошные жены высокопоставленных чинов: меха, бриллианты, барская манера держаться – словом, соль Земли.

С 28 октября по 3 ноября – в Англии. Впервые делегация КПСС у лейбористской партии. Возглавляет Пономарев. В делегации Афанасьев («Правда»), Иноземцев, Пименов (ВЦСПС), Круглова (ССОД) и я. Сопровождающие переводчики – Джавад Шариф, Лагутин, Михайлов.

Накануне, примерно за 10 дней, английская пресса и радио устроили антипономаревский шабаш: он – главный инспиратор оккупации Чехословакии, он – главный антисемит, он – со времен Коминтерна учит компартии, как ликвидировать демократию, и сейчас его главная задача – подрывать западные режимы. Транспаранты – No wanted in Britain!, - т.е. так, как обычно пишут об уголовниках.

Сам Ян Микардо – председатель иностранной комиссии лейбористской партии, за день до нашего приезда заявил Би-Би-Си, что, действительно, Пономарев «нежелателен», но не они, лейбористы, определяют состав делегации, также, как мы, когда ехали в Москву в 1973 году, не позволили бы ей определять состав нашей делегации, ибо в этом случае меня-то уж, еврея и сиониста, ни за что бы в Москву не пустили. Я по должности вынужден принимать Пономарева, а моя жена вместе с другими будет демонстрировать на улице против притеснения евреев в СССР.

С момента прибытия в Хитроу почувствовали, что такое британское security. Потом мы с ними пивали коньяк. Рыцари своего дела. Любо-дорого смотреть, как работают. Нашим учиться и учиться.

Б.Н. с самого начала и до отлета дул в одну дуду: мы за мир, против гонки вооружений, за советско-английское сотрудничество, за торговлю, за дружбу между нашими народами. Нигде не давал себя сбить. Один раз только вышел из себя – в парламентском комитете, но об этом позже.

В парламенте чуть было не дошло до скандала. Мы находились на галерее для гостей. Внук У. Черчилля, тоже Уинстон, а также Маргарэт Тэтчер, «красавица и стерва» (как тогда я ее оценил, впервые увидев) и другие, особенно сионистский лидер Дженнер, демонстративно

явившийся на заседание в ермолке, устроили обструкцию дискуссии по обычной повестке дня. Спикер то и дело стучал жезлом и выкрикивал: «Order! Order!» Но парламентарии не унимались.

В конце концов кто-то крикнул: «В парламенте - чужой!» Это средневековый парламентский пароль, и если его произносят на заседании, то спикер обязан объявить голосование (divisions, т.е. парламентарии расходятся, кто влево, кто вправо, в зависимости «за» они или «против»). И если большинство «за» - галерея немедленно должна быть освобождена от посторонних. Голосования по такому вопросу, говорили нам, не было в британском парламенте 150 лет.

Выручил премьер-министр Каллаган. Он встал и пошел из зала, дав тем самым понять нам, что он готов изменить время намеченной встречи с Пономаревым и провести ее немедленно в своем кабинете, тут же в здании парламента.

Мы поднялись и потянулись к выходу, сопровождаемые презрительными возгласами парламентариев. (В газетах на другой день писали: делегация, мол, хотела избежать унижения, если б ее стали выводить. Впрочем, голосование оказалось совершенно неожиданным - 198 проголосовало за то, чтобы мы остались, и только 8 - против!)

Пономарев был «заведен» на еврейской теме до предела. И когда по возвращении из Шотландии состоялась встреча с группой парламентариев-лейбористов в помещении их фракции в Вестминстере, произошло следующее.

Уселись за большим круглым столом. Председательствовала Джоан Лестор. Явился и Дженнер в ермолке, демонстративно выложил в центр стола Библию, подписанную 250 членами парламента и «рулон» Великой хартии вольностей. Но как только Дженнер затронул еврейскую тему, Пономарев взорвался. Произнес экспромтом самую выразительную речь, какую я когда-либо слышал из его уст; разошелся, потерял самообладание, стучал по столу, указывал перстом. Быстрый Женя Лагутин, референт нашего отдела, едва успевал переводить. Начал тихо, но с каждой фразой разгорался: «Я хотел бы знать, объяснял ли кто-нибудь когда-нибудь этим мальчикам и девочкам, которые шумят за этими стенами «Ponomariev out!» [он так и сказал, по-английски], что если бы не Красная Армия, вообще некому бы было сейчас эмигрировать в Израиль - ни из СССР, ни из любой другой страны?! Не было бы вообще еврейского народа как такового!»...

Достопочтенные джентльмены были сначала ошеломлены, иронически улыбались в ответ на его горячность, переглядывались, а потом посерьезнели и стали неодобрительно поглядывать на Дженнера. А один, воспользовавшись паузой в пономаревском шквале, бросил «спасательный круг», предложив перейти к вопросу об англо-советской торговле. Б.Н., опомнившись, принял пас.

На утро газеты вышли с большими заголовками: «Mr. Ponomariev shouts on M.P's» [5]. Так представил дело и Дженнер на своей пресс-конференции. Но Джоан Лестор, которая дала свою пресс-конференцию, заявила в ответ на вопросы, что сидела рядом с Пономаревым и не видела и не слышала, чтобы он стучал по столу и кричал на членов парламента. Между тем, при отъезде в аэропорту она же вручила мне большую пачку писем с просьбами о разрешении на выезд наших евреев. А Б.Н. в «задушевной беседе» с делегацией в самолете сказал, подводя итоги: «Надо с еврейским вопросом что-то делать. Мы недооцениваем отрицательного влияния этого вопроса на результаты нашей внешней политики и вообще на возможности продвигать идеи социализма на Запад».

Еврейская тема присутствовала, как сквозная в течение всех дней. Уже в Хитроу нас встречали плакатами на тему – освободить евреев, и так повсюду. Демонстранты более или менее крупными группами провожали нас лозунгами: «Гражданские права советским евреям!», «Хельсинки – это вам не шутка!», «Долой Пономарева – организатора зажима евреев!», «Свободу Буковскому!» и т.д. Плакаты такого и подобного содержания были

[5] «Пономарев кричит на членов парламента».

выставлены и возле отеля, где жила делегация, и у Транспорт-Хауза, у парламента, у Вестминстерского аббатства. Здесь разыгрывались целые сцены: переодетые в красноармейскую форму парни хватали и волокли по тротуару людей, одетых в форму зэков, закованных большими цепями с висящими на них ядрами. В Глазго появились еще и украинцы: «Мистер Пономарев! Освободите 49 миллионов украинцев!»

У Вестминстерского аббатства высший иерарх приветствует Пономарева словами: «Высокая честь для нас!» Это через секунду после того, как мы прошли сквозь строй демонстрантов, оглушенные оскорблениями, барабанами и свистульками. Зам высшего иерарха ведет нас по Собору. По-английски остроумно и иронично комментирует, показывая усыпальницы и прочие «предметы», оставшиеся здесь от величия и мелочности тех, кто делал британскую историю.

Прием в генсовете тред-юнионов: Мэррей, Джонс и др. Б.Н. все учил их марксизму-ленинизму, всю беседу вел очень неудачно, хотя эти умные, вежливые, масштабные деятели настроены к нам самым дружеским образом. Они терпеливо выслушивали сколько стоит в СССР хлеб, какая квартплата, сколько платим в метро и т.п. Было стыдно. А когда Б.Н. упрекнул их: что же вы, мол, не остановите гонку военного бюджета, то получил спокойный отлуп. Тем не менее все кончилось по хорошему, «тепло». Не успели мы уехать из Транспорт-Хауза, как Мэррей, представляющий 11,5 миллионов членов профсоюза заявил прессе: «Демонстранты против советской делегации не представляют рабочего движения Великобритании».

Ужин в посольстве. Приехали Веджвуд Бенн, Хейворд, Аткинсон (казначей) и тощая англичанка, которую Б.Н. в тостах все время игнорировал, а она оказалась влиятельной дамой и в конце концов, опять же с британской иронией, стала кричать «discrimination!!»

29-го утром были у Кросленда (Форин Оффис). Те же проблемы, что и с другими.

Днем улетели в Глазго. Вечером прием в региональном совете Глазго. Председательствовала представитель местной шотландской лейбористской партии в длинной, естественно, шотландской юбке. Атмосфера, такая, будто мы в Венгрии или ГДР, подкалывают самих себя и присутствующих здесь «людей из-за границы» (так в Шотландии величают англичан). Поразительная способность к ораторству: шутка, ирония органично перемешаны с серьезной политикой. Говорить все любят. Тост Пономарева, довольно посредственный, но был скрашен за счет мастерского перевода Лагутиным.

Утром 30-го, в субботу, митинг с шоп-стюардами и простыми рабочими… Коммунисты-профлидеры. Ответы-вопросы. Мне достался еврейский вопрос и я произнес «пламенную речь» о роли евреев в советском обществе. Б.Н. стал меня осаживать и в конце концов меня оборвал. Обстановка была тоже, как в хорошей братской компартии, хотя судя по всему коммунистов в аудитории почти не было.

Поездка в Эдинбург. На футболе. Экскурсия по городу. Знаменитый Кастл, место рождения Конноли, памятники Вальтер Скотту, Бернсу. Склоны холмов, покрытые вереском и красные от упавших листьев, залив, овцы в черте города.

Прием в Совете большого Эдинбурга. Поразительное доброжелательство. Тост Б.Н.'а на сей раз более или менее удачный – стал подражать шотландцам в манере (сквозь политику пропускал футбольную тему).

Ночной переезд в Глазго на машинах. А 31-го в воскресенье, поездка по озерам и заливам Шотландии. Ничего красивее я нигде, ни в одной стране не видывал…

Разговор Б.Н.'а по дороге, в том числе у харчевни Св. Катерины с рыбаком и шахтером, как изобразило это телевидение.

Вечером прием у руководства лейбористов и Конгресса тред-юнионов Шотландии. Та же председательница. Тосты, подарки… Разговор с соседом – зам. генсека шотландских тред-юнионов (оказалось, он коммунист, да и разговор вел со мной «доверительный»).

Утром 1-го – самолетом в Лондон. Перед этим пресс-конференция в аэропорту. Вопросы вроде иссякли. В 15.00 главная беседа в ИК лейбористов. Но пришло всего пять

человек. Б.Н. выложил всю «главную памятку» московского производства, несмотря на то, что Микардо в начальном слове явно дал понять, что серьезный разговор они вести не хотят. Да и не уполномочены (трепался о трех причинах трудностей в отношениях между LP и КПСС).

3-го, в среду улетели в Москву.

На другой день сочинил ему памятку для ПБ. Он не ждал, что его заслушают. Однако, это произошло. И он вернулся довольный: с интересом, говорит. слушали, задавали много вопросов и сказали: «так держать».

Итог? Да, никакого. Социал-демократы никогда с нами не пойдут на мировую, какими бы «хорошими» мы себя ни представляли и как бы вежливо ни вели с ними «идеологическую борьбу». Поразителен, однако, контраст между отношением к нам «простого народа» и отношением «верхов», сдержанным и неохотным. Будто вынужденным. Впрочем, если бы не еврейская проблема, дело могло бы пойти, и лет через пять можно было бы завязать и «официальную дружбу».

8 ноября 76 г.

Вчера вечером читал материалы к редколлегии «Вопросов истории». Среди них посмертное слово академика Струмилина «о науках исторических». Около 70-ти страниц. Поразительная вещь – и все в том же направлении, о котором я писал в связи с выставкой Кончаловского. Все в конце концов становится на свои места, а у Струмилина – даже богостроитель Богданов, который, оказывается, предсказал и ЭВМ, и основные принципы кибернетики, оргнауку, не говоря уж о том, что умер от медицинского опыта на себе.

Интересно, как отнесутся члены коллегии? (Статью завалили).

Перечитал свой опус десятилетней давности (это то, что в свое время Федосеев сделал объектом изучения моего ревизионизма). С каким блеском написана вещь! Теперь уже так не напишу, наверно. Между прочим, там предсказаны все процессы в рабочем и комдвижении, которые сейчас вышли на политическую поверхность.

12 ноября 76 г.

Пономарев и Загладин уехали в Португалию на съезд КП. Я – на хозяйстве. Был на Политбюро: Громыко отчитывался о своих разговорах в Софии с египетским МИД Фахми. Слушал я его, реплики и «обсуждение», и вновь давался диву. Вроде речь шла о том, что Садат, оказавшись в дурацком положении, и не получая от США «ни одной пули», хочет опять «хороших отношений» с нами. У Громыко была директива – держаться жестко, ставить условием восстановление Договора. Т. е. пользоваться затруднительным положением Садата, чтоб он пошел на «действительно хорошие отношения». Но зачем нам его хорошее отношение? Зачем вообще какие-то те или иные отношения с Египтом, - это как-то совсем было вне поля зрения… Т.е. сама суть политики (ее цель) начисто отсутствовала во всем обсуждении.

Впрочем, чувствовалась и «усталость» от всех этих арабских дел. Фахми считает главным «орудием» восстановления отношений встречу Брежнев-Садат. Громыко заметил по этому поводу: но тогда, мол нужно встречаться и с Асадом. Брежнев: «Не верю я им никому. Единственные, кто может быть честный среди них, это палестинцы». Другие члены ПБ вежливо усомнились. Косыгин сказал, что они все (арабы) радуются, когда кто-нибудь из «их братьев» терпит поражение или его побили. И все, мол, врут и нам, и друг другу. Громыко добавил, что «все они» отвернулись от палестинцев и рады, что тем пустили кровь. Поэтому, «даже Бумедьен, который был их яростным защитником, теперь плюнул на них». И т.д. в этом духе.

Асад, закончил наш министр со слов Фахми, боится теракта против себя. Вздрагивает от щелканья фотоаппарата…

Ну и что?!

Потом обсуждали записку Громыко: применить «свои меры защиты интересов СССР», если Западный Берлин втянут в избрание общеевропейского парламента (до этого он в доступной форме пытался объяснить, что это такое).

Может быть, такой подход и есть классовый: «мое не тронь, а то!..» Но ведь Западный Берлин – «не мое»… И разрядка вообще что-нибудь означает? Чего мы хотим в проблеме Западного Берлина? Какова перспектива? Т.е. опять – есть ли **политика**?! Ведь этак и Австрийский договор не надо было бы в 1955 году допускать!..

Сегодня был на Секретариате ЦК. Записка Б.Н.'а (в его отсутствие) о его беседах с Аксеном (то, что мы с Загладиным сочинили на Воробьевых горах). Отвергли ее с раздражением. Особенно Кириленко и Зимянин. Под тем предлогом, что, во-первых, почему мы с одними немцами занимаемся этими вещами (т.е. договариваемся, как приводить в соображение колеблющиеся и занимающиеся антисоветизмом братские партии Запада), а, во-вторых, если они, эти партии, узнают – это ведь обида и ссора на 10 лет вперед… Аксен болтун, а если еще другим сказать (соцстранам), так утечка обеспечена.

Мораль, которую одну только и можно вывести, из этого обсуждения: хрен с ними, с этими Марше и Берлингуэрами, пусть что хотят, то и делают, лишь бы на нас не лаяли, лишь бы «хорошие отношения»…

И это мудро, это правильно. Это то, о чем я уже писал, оценивая «взгляды и поведение» Черненко в Дании (в отличие от Б.Н.'а, обремененного догмами и идеологическим зудом всех учить, воспитывать, побуждать читать нравоучения!).

Пошлое и подлое интервью Любимова «Нью-Йорк таймс» (о бюрократии, консерваторах, Иосифе Прекрасном и т.п.). Он делает очередное турне по Италии и Югославии. Какой мелкий, глупый человек. Как может в таком держаться большой талант?!

13 ноября 76 г.

«Ордена есть вексель на общественное мнение: ценность их основывается на кредите векселедателя». Это – Шопенгауэр, которого опять почитываю. Архаично, но встречаются «ничего мыслята», свидетельствующие о том, что новых-то мало появилось за 100 лет.

14 ноября 76 г.

Был на Райкине «Зависит от нас». Скучно. Пережил и он себя, и его жанр. Он был и хохмачем, и в общем-то оптимистом. Теперь он хочет быть чистым сатириком с философско-политическим (весьма грустным) подтекстом. А это не действует уже, потому что никто не верит в действительность сатиры, как и всяких других средств. Кукиш в кармане, даже очень сильно вынутый оттуда, тоже уже никого не удивляет и не вызывает прежней реакции. Публика знает, что все это – холостой ход, что даже если будет позволено гораздо больше – все равно не подействует и ничего не изменит.

Встречали его бурно и благодарно. Провожали долго, стоя. А я думал, хлопая: не аплодисменты-поощрение, а аплодисменты-прощанье.

23 ноября 76 г.

Накануне прочитал рассылку по Политбюро с предстоящими речами Брежнева в Румынии. Меня покоробила превосходная степень всего там: Чаушеску «видный деятель МКД» (то же было сказано о Тито в Югославии). Смешно – и перед mass media и перед братскими КП. «Полное единство взглядов»… «на основе марксизма-ленинизма», «общности идеологии», «радуемся, когда Румыния поддерживает нашу внешнюю политику», «традиционная нерушимая дружба» и т.п. Будто ничего никогда не происходило.

Я сказал Б.Н.'у: согласен, мол, с тактикой, - мы большие и должны быть снисходительны, в объятиях душить претензии румын, пользуясь тем, что Мао умер, не оправдав надежд Чаушеску, а западный сезам (рынок) не открылся за один только антисоветизм (нужны еще и барыши). Однако, мол, словесность несолидная, перебор, смешновато. Б.Н. отнесся с пониманием и предложил на ПБ «поправить», особенно в части, где «общность идеологии» и «на основе марксизма-ленинизма»… Брежнев: «Брось, Борис. Что касается теории и всяких идеологических дел, то мы от него (Чаушеску) отстали. Нам еще догонять его нужно: он железный сталинец!» (??)

Неделя английского кино. Фильмы в стиле классического реализма. Отбирали мы сами. Ничего про современность. «Историко-костюмные» или исторические комедии… Но приложения – документальные фильмы… О происхождении автомобиля, об истории железнодорожного транспорта, о Лондоне и особенно о добыче нефти в Северном море. Этот последний – просто «идеологическая диверсия». Потрясающая техника, великолепно, умело и четко работают люди, создают уникальные материальные ценности… Не зная, можно было подумать: «великая стройка коммунизма»… только без лозунгов и «самоотверженности на благо»… Зритель все это заметил. Вокруг меня мужики громко, вслух отпускали издевательские реплики по поводу наших вариантов подобных документальных фильмов.

26 ноября 76 г.

Началась эпопея 70-летия Брежнева. Наш Б.Н. уже успел подсуетиться: напросился готовить «ответные слова» Брежнева на награждение орденами соцстран, советскими орденами и на торжественном обеде. В результате мы с Брутенцом второй день занимается сочинением патетических текстов. Поразительная организация дела: два зама Отдела (а других вообще нет сейчас) при огромном потоке службы запираются и пишут речи, не имеющие никакого отношения к их прямым обязанностям.

А главное – все это пойдет в корзину: Александров не позволит, чтобы «кто-то там» предлагал подобные проекты: он и только он мастер и хозяин таких тестов!

Умер Андрэ Мальро. Прочитал статью в «Юманите».

Ю. Жуков из Парижа в телеграмме «по верху» сообщил об отношении французских коммунистов к «движению за мир» (в связи с опять созываемым «форумом миролюбивых сил» в январе: в Москве – мини-конгресс мира), о бесконечных инициативах и, как грибы плодимых Москвой, всяких комитетах… «Комитет содействия продолжению конгресса миролюбивых сил 1973 года» французы назвали «комитетом разбежавшихся участников конгресса».

Это все – плоды неуемной энергии Шапошникова. Который стоит нашему государству миллионных денег, в том числе – в валюте, а пользы от нее… Мир-то ведь «делается» совсем в других комитетах. Зато сотни кормушек для «деятелей» разного ранга, «борцов» за что угодно, лишь бы шла хорошая зарплата и подачки из Москвы.

Когда-нибудь нас (Международный Отдел и тов. Пономарева) шарахнут за всю эту активность.

4 декабря 76 г.

С 29 ноября по 3 декабря был в Будапеште. «Шестерка» по социал-демократии – в частности, в связи с только что (в эти же дни) прошедшим XIII конгрессом Социнтерна. Посадка в Белграде из-за погоды. В Будапеште – на «горе» три дня в государственных дачах. Дискуссия. Мое основное выступление со ссылкой на Пастернака по аналогии: социал-демократическое «примечание» к динамике истории, определяемой коммунизмом. Оппортунизм социал-демократии, как возможность сотрудничать с ними и использовать их…

Были и со стороны других попытки оригинальнее подойти к социал-демократии (но не со стороны болгар и чехов – они еще на школярском уровне, просто серы и убоги, особенно чехи!)

[Кстати, мне вчера Загладин рассказал об одном разговоре с помощником Берлингуэра: «Зачем вы все время цепляете чехов?» Тот: «А вы что – сами не видите, что они мудаки?!»]

На «шестерке»: мое вмешательство в спор умно-прагматичных поляков (Суйка, Сильвестр) и строго схоластических болгар, которых шокировало, что по существу я поддержал не их, хотя по форме вроде бы отдал должное и тем, и другим.

Ужин с секретарем ЦК Денешом. Он мудр, спокоен и скучен. Мой тост, который потом вспоминали при всяком удобном случае.

11 декабря 76 г.

Вчера встречал и разговаривал с генсеками Канады и Англии – Каштаном и Макленнаном. Встречал Плиссонье – и ни о чем не разговаривал. Летят через Москву на съезд партии во Вьетнам. Каштан, как ученик все спрашивает, что «мы думаем о событиях в Канаде и как надо бы сформулировать, «исходя из опыта КПСС» политику компартий». Это даже не подобострастие (напротив, он очень капризен и блюдет свой престиж лидера партии), у Б.Н.'а он ни за что не стал бы просить подобное. А тут, просто он хочет позаимствовать идеи откуда бы то ни было. Сам он на них тощь. И людей у него думающих нет… Он дошел до того, что буквально выпросил., чтоб наш Институт США АН СССР написал ему историю его партии. И ребята пишут так же. как Программу партии и проч. Он потом все это выдает за свои сочинения: гарантия полная, не могут же советские разоблачить плагиат!

С Макленнаном совсем другое: разговоры на посторонние темы, главным образом о кризисе в Англии и проч.

Когда имеешь дело с людьми из подобных мизерных партий, всегда какое-то досадливое чувство возникает: будто имеешь дело с «пикейными жилетами». Именно в этом духе они рассуждают о политике и о положении в своих странах – не изнутри, как участники и двигатели событий, а как при сем присутствующие ворчуны.

Резкое отличие от итальянцев, французов, датчан… Кстати, я и у западных немцев этой пикейности не почувствовал, хотя по положению в стране они не лучше КПВ.

На днях я прочитал стенограмму беседы Брежнева с Тито в Белграде. Долго не мог опомнится и придти к какой-нибудь определенности. Леонид Ильич ему спокойно и доброжелательно (в присутствии обеих делегаций) разъяснял, что мы, КПСС, камня за пазухой не держим, никаких тайных замыслов у нас нет, что весь треп о том, будто мы собираемся посягать на Югославию, - это чистый вздор и провокация. «Информовцев» мы не поддерживаем и не снабжаем. «Я не могу допустить даже мысли, что у нас кто-нибудь может поддерживать кого-то, кто выступает против СКЮ, против тебя (Тито)!» Мы, мол, записали в совместных и международных документах, что признаем право каждой страны идти своим путем к социализму. Никто не должен ни мешать, ни вмешиваться. Однако, зачем ваша печать то и дело на нас лает, приписывает нам всякие фантастические намерения, да и деятели ваши иногда говорят о «двух сверхдержавах», «о двух центрах гегемонизма и подавления», намеки всякие делают и т.п. То и дело поднимают шум вокруг сталинизма, хотя мы с этим покончили. И решения XX съезда для нас остаются в силе. Нельзя, мол, допускать, чтобы подрывали нашу дружбу и сотрудничество. У нас и у вас много врагов и «всякую такую печать» они используют и против нас, и против вас. Вот смысл, но не словесность, конечно.

Тито ответил на другой день. Похвалив Л.И. за откровенность, сам пообещал быть откровенным. И сказал: «Мы усматриваем противоречия в вашем вчерашнем выступлении (Брежнев и Тито больше на «вы», особенно в присутствии других; Брежнев иногда соскальзывал на «ты», Тито - никогда). Присутствует недопонимание нашей внутренней и

внешней политики. Вы говорите: зачем ворошить прошлое? Конечно, не надо акцентировать, но и упускать его из виду не стоит. Прошлое нельзя снять одними декларациями. Многое в вашем (то есть КПСС) поведении напоминает нам о прошлом. Да, и у нас, и у вас есть люди, которые сомневаются в искренности друг друга. Нашим пищу дают известные положения Программы КПСС (о ревизионистском руководстве СКЮ). Позвольте процитировать два абзаца из «Программы КПСС»... После принятия «Программы» у вас было три съезда партии, но вы и не подумали поправить эти места.

Восстановление «Обществ дружбы», как вы предлагаете, для нас неприемлемо: слишком много было «лишнего» в его работе у нас. Мы признательны за снабжение нас некоторой военной техникой, но пролеты военных самолетов и заходы судов в наши порты - только в соответствии с нашим законодательством (уведомление за 60 суток).

Что касается нашей печати, то мы не считаем, что критика сталинизма, этатизма, культа личности - это антисоветизм. А кроме того, у нас сложилась своя система информации, отличная от вашей. И менять ее мы не собираемся.

...Существует стремление вовлечь Югославию в социалистическое содружество. Мы считаем, что это только осложняет наши отношения, мешает нашему с вами сотрудничеству.

Мы последовательно придерживаемся решений берлинской конференции (то есть коммюнике принятого в этом же году на конференции 28 компартий Европы в Берлине), а вы позволяете в печати практиковать отношения между КП с «доберлинских» позиций. Ваши действия и заявления противоречат духу этой конференции...»

Брежнев в ответ похвалил Тито за прямоту и сказал только, что «примет это к сведению, хотя и не во всем согласен»...

Долго я потом думал. В самом деле, мы искренне хотим дружить с Югославией и искренне не думаем ее поглощать, подчинять и т.п. Но «теоретически» мы ее не признали. В глубине сознания, не отдавая себе в этом отчет, мы считаем ее «отклонением от нормы» и рассчитываем на «исправление». И они это видят. Пусть Брежнев говорит от души. Они в этом не сомневаются. Но основополагающая концепция нашего социализма осталась прежняя, в общем - сталинская, «краткокурсная». И югославы, как и итальянцы, и французы - видят в этом теперь фундаментальную несовместимость с нами. Отсюда их нежелание принимать органически термин «пролетарский интернационализм», за которым не без оснований им чудится «Коминтерн». Отсюда замена его поверхностно-спорадической категорией «интернациональная солидарность».

1976 год. Послесловие.

Я должен поправить себя: в послесловиях к предыдущим двум «томам» я дал незаслуженно уничижительную оценку Брежневу. Рано списал его как государственного деятеля. Он явно превосходил своих «коллег». Я, правда, говорил о его заслугах в сохранении мира. Но недооценил глубины его решимости и искренности в стремлении не допустить ядерной войны.

В этом томе описывается подготовка ХХУ съезда КПСС в Завидово, на дальней генсековской даче (она же – охотничье угодье). Там узкая группа интеллигентов–аппаратчиков верхнего звена сделала, пожалуй, последнюю попытку спасти лицо Советского государства, навязать политике нормальный здравый смысл. И в ходе невероятно откровенных бесед с Генсеком выявилось до конца его качество как убежденного и непоколебимого «сторонника мира» (прошу прощения за штамп, но другого термина не подберу). И здесь его роль действительно «историческая».

Если бы не «Чехословакия–68», на что он пошел, скрепя сердце (теперь это известно), скорее всего потому, что чувствовал себя еще не совсем уверенно в высшем руководстве, если бы не «Афганистан–79», на который его сподобила тройка членов Политбюро, пользуясь его физической и психической беспомощностью (он почти утратил представление о происходящем вокруг), то, думаю теперь, он вполне заслуживал Нобелевской премии мира. Во всяком случае, Брежнев, по делам своим в пользу мира, был бы достоин ее больше, чем все, кто получил ее в 70–х годах. Конечно, представить себе Брежнева Нобелевским лауреатом по тем временам – чистая фантастика. Тем не менее…

В противоречии со сказанным деградация личности продолжалась: бесконечные самонаграждения, вопиющая вульгарность в демонстрации себя в качестве беспрекословного «хозяина» страны, поощрение позорного подхалимажа, вакханалия приветствий и поздравлений, которые от имени Генсека едва ли не ежедневно направлялись фабрикам и заводам, республикам и городам, всяким прочим коллективам, срывы, свидетельствовавшие об умственном расстройстве.

В этом «томе» – новые свидетельства упадка и дезинтеграции коммунистического движения. В связи с ХХУ съездом КПСС и европейской конференцией компартий продолжались усилия держать его на плаву, циничные, смешные, безнадежные. Те, кто к этим усилиям был причастен, – от самого верха до разного калибра исполнителей в аппаратах ЦК, – сами не верили уже в его реальность и жизнеспособность. Более того, – не признаваясь себе в этом, – они чувствовали ненужность комдвижения ни для большинства стран, где оно формально присутствовало, ни для, – что особенно существенно – для Советского Союза. И суета вокруг «братских партий» автора записок и ему подобных имеет лишь одно (впрочем, жалкое) оправдание: если мы были не в силах отказаться от мифа, то уж хотя бы надо было постараться, чтобы маневры ради сохранения не выглядели слишком глупо и нелепо, по крайней мере блюсти достоинство, человеческое и политическое, при проведении явно провальной и впустую дорогостоящей политики.

В «томе» два важных пункта, связанных с поездками делегаций КПСС в Германию и Великобританию. Они характерны тем, что выразительно и предметно выявляют, насколько отрезано было советское общество от Западного мира. Проникновение туда (и понимание этого мира) было доступно лишь для очень немногих партийных «интеллектуалов», способных видеть тамошние реальности и здраво осмысливать секретную и всякую другую информацию, которая оттуда к ним поступала.

Что касается общественных настроений этого года и культуры, которая продолжала отчуждаться от идеологии, ничего принципиально нового (по сравнению с двумя предшествующими «томами») читатель здесь не увидит, но сами наблюдения любопытны.